

**ДМИТРИЙ
ПЕРЕТОЛЧИН**

МИРОВЫЕ ЭЛИТЫ И БРИТАНСКИЙ РЕЙХ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

АНДРЕЙ ФУРСОВ РЕКОМЕНДУЕТ!

Игры мировых элит

Дмитрий Перетолчин

**Мировые элиты и Британский
рейх во Второй мировой войне**

«Книжный мир»

2015

Перетолчин Д. Ю.

Мировые элиты и Британский рейх во Второй мировой войне / Д. Ю. Перетолчин — «Книжный мир», 2015 — (Игры мировых элит)

ISBN 978-5-8041-0744-5

Какие силы стояли за ключевыми событиями XX века? Кто развязал Вторую мировую войну? Почему их имена до сих пор скрывают от человечества? На эти вопросы отвечает новая книга Дмитрия Перетолчина «Мировые элиты и Британский рейх». Автор анализирует трагические события прошлого столетия с точки зрения интересов мировых элит, осуществляющих передел планеты посредством самой ужасной в истории бойни, унесшей жизни 54 миллионов человек. Свидетельства того, где зарождались расовые теории, вдохновлявшие идеологов Третьего рейха, как японцы стали «арийцами Востока» и почему Европа покрылась сетью концентрационных лагерей были после войны незамедлительно уничтожены сотрудниками английских спецслужб. Эти данные и по сей день являются информацией, не подлежащей раскрытию или обсуждению. Как заметил помощник начальника Второго главка КГБ СССР Станислав Пекарев: «... и Черчилль там был замазан, и он что-то финансировал в Германии, получая свою выгоду, но об этом пока документы не открыты». Об этом, а также о том, как немецкой нации жилось при нацистах, каков реальный замысел устройства концентрационных лагерей и кто работает над воплощением этого замысла в наши дни – читайте в этой книге, продолжающей серию, начало которой положено политическим бестселлером «Мировые войны и мировые элиты».

ISBN 978-5-8041-0744-5

© Перетолчин Д. Ю., 2015

© Книжный мир, 2015

Содержание

Money makes the world go around	7
«Brittanes Reich»	15
Британский фашизм против СССР	36
«Странные войны» Уинстона Черчилля	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Перетолчин
Мировые элиты и Британский
рейх во второй мировой войне

© Д. Ю. Перетолчин, 2015

© Книжный мир, 2015

Money makes the world go around

«Было бы большим упущением считать, что мировая финансовая олигархия в годы Второй мировой войны выступала единым блоком, что между отдельными ее группами не было противоречий по поводу целей, планов и способов ведения войны. Прежде всего, бросаются в глаза противоречия между английским капиталом (воплощением его являются Ротшильды) и американским капиталом (воплощением его выступают Рокфеллеры). Первый опирался на мощную колониальную систему и статус Лондона как мирового финансового центра. Второй стремился отобрать у английского капитала оба эти преимущества».

В. Ю. Катасонов, «О проценте ссудном, подсудном, безрассудном. «Денежная цивилизация» и современный кризис».

В дополнение к золоту Ротшильды контролировали мировую добычу серебра, никеля и алмазов, владея контрольным пакетом «De Beers» [34], контроль над ключевыми позициями это ключ к пониманию кому и главное зачем было необходимо столкнуть мир, еще не до конца оправившийся от Первой мировой, в новое кровопролитие.

Венцом Первой мировой стала первая международная надправительственная структура Лига Наций, созданная по инициативе США, в которую сами Штаты, однако вступать не торопились. Лидер республиканцев Генри Кэбот Лодж-старший назвал ее «изуродованным экспериментом, начатым с благородной целью, но запятнанным закулисными сделками» [1], а Ленин – «союзом хищных зверей» [37]. Можно предположить, о какой «благородной цели» не договорились Соединенные Штаты с европейскими государствами, если обратить внимание на некоторые специфические стороны этой организации, отмеченные в 1928 году в части финансового управления, осуществляемого Англией:

«Инструментом этой политики был Финансовый комитет [Лиги Наций] в Женеве. Метод состоит из принуждения каждой страны, испытывающей денежно-кредитные затруднения, подчиниться Комитету в Женеве, который находится под британским контролем. Лечение, всегда предписываемое, включает введение в центральный банк иностранного наблюдателя, который является британцем или назначается Банком Англии, и размещение части резервов центрального банка в Банке Англии, что служит и поддержке фунта и укреплению британского влияния [7]. Из записи в дневнике Эмиля Моро (Emile Moreau), главы Банка Франции в 1926–1930 гг.

Дело в том, что закабаление финансовой системы государств производилось посредством введения золотого стандарта: «Золотой стандарт выгоден тем, у кого сосредоточена основная часть мирового золота, и кто рассчитывает обогащаться на выдаче золотых кредитов. Фактически золотые кредиты будут даваться на время, возвращаться с процентами. Некий такой золотой перпетуум-мобиле», – поясняет ситуацию доктор экономических наук профессор В. Катасонов.

В 1803 году был установлен золотой стандарт – «франк жерминаль» франка, Англия ввела аналогичную систему в 1819 году, в середине девятнадцатого века за ней последовали колонии Канада и Австралия, в 1873 году победу в Франко-прусской войне введением золотой марки отметила Германия [3][4]. Согласно заявлениям сенатора Бека из Кентукки в США

закон о золотой валюте был проведен подложным путем, но так или иначе, вслед за США и все остальные государства, кроме Мексики и Китая, перешли на золотую валюту [6].

«Главным «мотором» продвижения золотого стандарта в мире стала Британия, где позиции Ротшильдов были особенно прочными (контроль над Банком Англии, а через него – над многочисленными колониями Британии)...Лондон проводил такую международную политику, которая усиливала позиции Ротшильдов и других английских банкиров в сфере контроля над запасами золота в мире... Острая борьба между сторонниками серебряного и золотого стандарта шла в Североамериканских Соединенных Штатах. Кончилась эта борьба победой сторонников золотого стандарта, т. е. агентов Ротшильдов. В конце XIX века благодаря усилиям «лоббиста» Ротшильдов С. Ю. Витте, министра финансов Российской империи, Россия перешла на «золотой рубль». В результате Россия «подсела» на «золотую иглу» Ротшильдов».
В. Ю. Катасонов, «Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации»»

В России рубль стал золотым в 1897 году [3], при этом за период 1895–1914 год внешний долг России, получившей целый ряд крупных кредитов в Лондоне и Париже, вырос с 1,7 млрд. до 4,2 млрд. руб., а расходы на его обслуживание с 62 млн. руб. в 1895 г. подскочили до 194 млн. руб. в 1914 г. [5]. Примерно на этот период пришелся пик добычи, составивший в 1911 году 52 тонны [38]. Результат Нечволодов описывал так: «Привлечение иностранных капиталов в Государство сводится: к эксплуатации этими капиталами отечественных богатств и рабочих рук страны, а затем и вывоза за границу золота, приобретенного в стране за продажу продуктов производства» [6]. Золотой стандарт привел к тому, что государства постоянно нуждались в притоке золота, либо для новой денежной эмиссии, либо для гашения кредитов.

«Вот уже два столетия Ротшильды и примкнувшие к ним мировые ростовщики контролируют запасы золота и рынки этого металла. А тот, кто сегодня контролирует рынок золота, тот контролирует, в конечном счете, все финансовые рынки, а значит, и рынки нефинансовых активов и товаров. Золото – «ось» мировой «рыночной экономики».
В. Ю. Катасонов, «Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации»»

Процесс окончательного закабаления через финансовый долг должна была завершить Первая мировая война, когда расходы стран, а соответственно и потребности в кредитах резко увеличились и потребность в золоте, необходимом для эмиссии. Великобритания и другие страны оказывали давление на Россию, требуя поставок золота в качестве залога для предоставления кредитов. Так из 1233 тонн, хранившихся в Государственном Банке России, за границей оказалось 643,36 млн. золотых рублей, эквивалентных 498 т. чистого золота, из которых 440 тонн осело в Банке Англии в качестве обеспечения военных займов.

Финансовая система Англии, согласно акту Роберта Пиля, с 1844 года до начала Первой мировой на 100 % обеспечивалась золотом [8], но с началом войны обмен бумажных денег на золото был приостановлен [5], так как из-за потребностей войны объем требовавших обеспечения денежных знаков в обращении возрос с 35 млн. фунтов стерлингов до 399 млн. фунтов стерлингов, а к 1920 году достиг 555 млн. фунтов [8]. Однако и британский и будущий нью-йоркский золотой стандарт 1919–1931 годов предполагал, что каждая страна обеспечивает свою валюту определенным количеством монетарного золота, которого из-за возросшей денежной массы стало остро недоставать [7]. Перед Первой мировой, в 1913 году мировой

запас золота составил 20 616,2 тонн, за время войны всего было добыто еще 3262,73 тонны [38], а потребность возросла многократно.

На момент подписания Версальского договора Британская империя потратила на ведение войны 11 млрд. фунтов или 54 млрд. долларов, из которых 64 % пришлось на займы, из-за чего национальный долг за шесть лет, начиная с 1914 года, Британии вырос в 1159 раз: с 711 млн. фунтов до 8 млрд. фунтов.

По большей части это были деньги, предоставленные при посредничестве ФРС правительством США, там также, чтобы не ограничивать себя в возможностях раздачи кредитов, приостановили привязку к золоту с момента вступления в войну в 1917 году. При этом долг у самих США к концу 1919 году вырос с 1 млрд. долларов до 25 млрд. долларов. Основными выгодоприобретателями военных долгов стали J.P. Morgan & Co и Kuhn, Loeb & Co, к которым примкнул архитектор ФРС Пол Варбург [7]. В целом чистое сальдо по благородным металлам для США в период с 1914 по 1920 гг. составило 882,6 млн. долларов [38].

Так как все страны оказались их должниками, Версальский договор в рамках основания Лиги Наций должен был, по сути, ввести внешнее финансовое управление в мировом масштабе, Кэрролл Куигли в своей книге описывал это так: *«Эта система должна была управляться в феодальной манере центральными банками мира, действующими сообща путем секретных соглашений, достигнутых на частых встречах и конференциях... В каждой стране власть центрального банка покоилась, в основном, на управлении кредитами и денежной массой. В мире в целом власть центральных банкиров в очень высокой степени держалась на их контроле над займами и золотыми потоками»* [7].

Резко увеличившаяся за время войны денежная масса требовала большего количества золота для обеспечения. Потребность в деньгах ведущих стран в полтора раза превысила наличие в обороте золота, включавшего в себя наряду с монетарным и золото в украшениях, посуде и так далее [38]. Вероятно поэтому США, Швеция и Великобритания, которая, кстати, к марту 1917 года выполнила лишь 25 % оплаченных русских военных заказов, Советскую Россию не признали и золотое обеспечение не вернули [9]. Советское правительство в свою очередь отказалось признавать 13,2 млрд. золотых рублей, занятых царским и временным правительством, а в сумме с долгами правительств Колчака, Врангеля и Миллера претензия исчислялась уже 18,5 млрд. рублей золотом [12].

Источником золота для британских банкиров в разное время были поставки опиума в Китай, где он менялся на золото [5], Австралия, добыча в которой возросла с 38,5 т в 1890 г. до 119 т в 1903 г. [38], российская компания «Лензолото», с крупной долей владения британской Lena Goldfields Co Ltd, за которой стояли Ротшильды [5]. «Немецкий шпион» Ленин был против передачи Германии ценностей согласно условиям «Брестского мира», однако и.о. председателя Совета Народных Комиссаров Яков Свердлов, пользуясь тем, что вождь мирового пролетариата находился на излечении после покушения, в организации которого есть все основания подозревать его самого, поторопился перегнать в Германию 93,5 тонн золота. Однако уже через месяц Германия передала его по германо-бельгийско-французской конвенции от 01.12.1918 года Франции, откуда половина, по некоторым данным, снова переместилась в Англию. К вопросу о выгодоприобретателях: переведенные деньги в 1963 году были взаимозачтены в пользу Credit Lyonnais, Paribas, Societe General и прочих решением Н. С. Хрущева.

В 1920 году бывший главный инспектор железных дорог Юрий Ломоносов, который в свое время направил Николая II вместо Царского села в Псков, где тому состряпали отречение, занял пост уполномоченного представителя Совета Народных Комиссаров и заказал шведской Nydqvist & Holm АВ паровозов по завышенной цене на сумму, составляющую четверть оставшегося золотого запаса на условиях предоплаты. В тот же год под собственным наблюдением вывез в США 216 ящиков с золотом. В книге Э. Саттона приводится теле-

грамма от 3 апреля 1919 года и.о. государственного секретаря Уильяма Филлипса о пересылки для профессора Ломоносова чека на 10.000 долларов из банка Nordisk Reisebüro, который с 1927 года благополучно дожил до старости... в Лондоне. Так или иначе, в том числе усилиями Kuhn, Loeb & Co к 1922 году золотая казна России оказалась практически пуста [9][10][28][29][30]. Процесс сопровождался инфляцией, если на 1 июля 1918 года денежная масса составляла 43,7 млрд. рублей, то на 1 января 1921 года она выросла до 1,2 триллионов [32].

После России внимание банкиров переместилось в Африку. *«Южноафриканское золото придало лондонскому Сити новое дыхание, – пишет Уильям Ф. Энгдаль. – В 1899 году британцы провели войну с помощью Сесила Родса... чтобы вырвать у буров контроль над обширными золотыми богатствами Трансвааля в Южной Африке»* [7].

«Настоящая история золотопромышленности в Южной Африке начинается с открытия в 1885 г. золота на юге Трансвааля, в Витватерсранде, на водоразделе между реками Вааль и Лимпопо. Через год здесь был основан город Йоганнесбург, являющийся в настоящее время крупнейшим центром золотопромышленности... Добыча золота во всем Южно-Африканском Союзе лишь немногим превышает добычу одного Трансвааля, поэтому, когда речь идёт о золоте Южной Африки, фактически имеется в виду золото Трансвааля».

Ф. И. Михалевский, «Золото в период мировых войн», 1945 г.

Чтобы понять какое значение имели золотые прииски Южной Африки для восстановления золотого обеспечения валют после Первой мировой войны, необходимо принять во внимание, что всего в ЮАР добыто более 50 тысяч тонн золота, для сравнения в России и СССР более 14 тысяч, а в США более 10 тысяч [11], к 1925 году золотые рудники Южной Африки давали 50 % всего золота в мире [7].

«Лондонский дом «Н. М. Ротшильд и сыновья» ежедневно устанавливал мировые цены на золото в своем банке, а Банк Англии держал большую часть мирового монетарного золота. Лондон был успешен, потому что он, во-первых, захватил обширную большую часть нового золота, обнаруженного в Калифорнии и Австралии после 1840-х годов, а позже, в результате Англо-бурской войны, захватил обширные южноафриканские поставки из Витватерсранда».

Уильям Ф. Энгдаль, «Боги денег. Уолл-стрит и смерть Американского века»

В марте 1919 года лондонский Комитет производителей золота предупреждал управляющего Банка Англии лорда Канлиффа: *«...немыслимо, что производители золота в Южной Африке не примут незамедлительные меры по организации перевозки своих товаров в Нью-Йорк... Если поток золота из Южной Африки в очередной раз отклонится в Нью-Йорк, позже будет не просто повернуть его обратно, поскольку, если Нью-Йорк становится наилучшим и свободнейшим рынком слиткового золота, это будет мощным толчком к установлению Нью-Йорка в качестве центрального валютного рынка в мире».* Логично, что при таком раскладе в первую очередь страдало могущество ротшильдовской золотой империи.

Банк Англии немедленно принудил транспортные компании снизить тарифы настолько, чтобы доставка золота в Нью-Йорк стала невыгодной. Транспортировка золота из Южной Африки была поставлена под строжайший контроль, осуществляемый премьер-министром Южной Африки, членом закрытого клуба «Круглый стол», а также одним из главных архитекторов концепции Лиги Наций Яном Смэтсом. Тот пригласил в качестве консультанта советника Банка Англии и близкого друга Ротшильда Генри Стракоша, управляющего горнодобывающей компании, инвестирующей в золотодобычу Union Corporation,

предложившего Южной Африке *«идти по возможности в ногу с Великобританией по дороге к эффективному золотому стандарту»*. Чтобы дороги не пересекались, в 1919 году Банк Англии подписал с южноафриканскими производителями золота эксклюзивное соглашение о приобретении их продукции, а в 1920 британский парламент принял закон, запрещающий свободный экспорт этого драгоценного металла [7].

Однако, задумываемое управление *«путем секретных соглашений, достигнутых на частных встречах»* превратилось в не менее секретное противостояние между нью-йоркским и лондонским финансовыми клубами. В ответ на лондонские действия, в августе 1921 года США заключили с Германией договор, идентичный Версальскому, но без статей о Лиге Наций [13]. Версальский договор в числе прочего регулировал репарации Германии, из которых 23 %, составляющих 149 млн. 760 тыс. долларов получала Великобритания, обязанная переводить из полученной суммы 138 млн. долларов в США в счет гашения одолженных на ведение Первой мировой 4 млрд. 600 млн. долларов. Просьба министра финансов и Ллойд Джорджа пересмотреть условия выплат не нашли понимания ни у американского финансового ведомства, ни у Вудро Вильсона [12].

«С помощью различных финансовых хитросплетений «Дж. П. Морган и К^о» последовательно разрабатывал американскую финансовую империю, чтобы окончательно заменить Лондон в его довоенной роли как мировой финансовой сверхдержавы. «Дж. П. Морган и К^о», финансовые группы Рокфеллера и крупные инвестиционные банки Уолл-стрит, такие, как «Кун, Леб и Диллон», «Рид», были ведущими игроками в этих событиях». Уильям Ф. Энгдаль, «Боги денег. Уолл-стрит и смерть Американского века»

После того как Смэтс в 1922 году жестоко подавил забастовку белых шахтеров-золотодобытчиков, заработав себе прозвище «Кровавый человек», выборы в 1924 году принесли успех бурскому генералу Дж. Б. М. Герцогу. Тот пригласил консультантом профессора Эдвина Кеммерера из Принстонского университета Соединенных Штатов, который не скрывал, что *«Страна, которая назначает американских финансовых советников... увеличивает свои возможности обратиться к американскому инвестору и получить от него капитал на благоприятных условиях»*. Самым примечательным в его биографии было то, что Кеммерер являлся не только архитектором структуры ФРС Нью-Йорка, но также и консультантом Dillon, Read & Co, членом Комитета Дауэса, в том же году приступившего к переводу Рейхсбанка на золотой стандарт, ориентированный на ФРС, который он уже пролоббировал в Колумбии и Чили [7][14]. Он предложил южноафриканцам установить прямые финансовые связи с нью-йоркскими банками и обойтись без своей традиционной зависимости от Лондона [36].

Очевидно, что надвигался конфликт, описанный Уильямом Ф. Энгдалем так: *«Американское вмешательство в дела Южной Африки через Кеммерера и Герцога не только нанесло удар по Британии, но также угрожало изменить кредитную систему всего мира на условиях Уолл-стрит»*. Стали сбываться надежды, высказанные на заседании Ассоциации американских банкиров ее президентом в 1898 году: *«Мы имеем в руках все основные факторы промышленной гегемонии: уголь, железо, сталь. До сих пор С. Штаты были житницей мира, мы надеемся, что скоро наша страна сделается мировой фабрикой, чтобы затем выступить в роли международного банкира»* [33].

«Не следует забывать, что Сити в Лондоне было центром мировой финансовой жизни до того момента, пока в период между двумя войнами Нью-Йорк не перехватил у него инициативу... с 1918 года мир стал иным,

сотрясаемым инфляцией и разрушением денежной системы. Поколение моего отца стало постепенно терять почву под ногами»
Ги де Ротшильд, «Наперекор Сталину»

Теряя источник поступления золота, М. Норман и британское министерство финансов в свою очередь предложили вариант, при котором после 1925 года только Соединенные Штаты остаются на строгом золотом стандарте, Великобритания держит свои запасы в долларах, а европейские страны в фунтах стерлингов. Впоследствии возглавивший банк Paribas, глава Банка Франции Эмиль Моро констатировал: *«Валюты будут разделены на два класса: валюты первого класса (доллар и фунт стерлингов), базирующихся на золоте, и второго класса, базирующихся на фунте и долларе с содержанием части их золотых запасов в Банке Англии и Федеральном резервном банке Нью-Йорка».*

По мнению Уильяма Энгдаля: *«эта новая схема разрешала Великобритании выстраивать пирамиду из своей раздутой валюты (стерлинга) и своих кредитов на основе долларов, а не золота, в котором она испытывала недостаток».* С одной стороны *«кредиты хлынули потоком из Нью-Йорка в Лондон и в жаждущие долларов экономические системы континентальной Европы»*, обогащая National City Bank, Kuhn, Loeb & Co и J. P. Morgan, с другой – доллар, выступающий обеспечением всех европейских государственных кредитов, оказался искусственно раздут [7][14]. Свидетелем первого звончка об этом стал Ялмар Шахт, которому президент Федерального резервного банка Нью-Йорк Бенджамин Стронг взялся показать хранившуюся у него часть золота Бундесбанка, но сотрудники хранилища признались: *«Господин Стронг, мы не можем найти золото Рейхсбанка»* [2].

Дело в том, что уже в 1926 году выстроенная система начала рушиться после того как к золоту на 20 % оказался привязан и французский франк [7]. О том, кто стоял за финансовой диверсией, создавшейся было мировой финансовой системы, можно догадаться по тому, что именно Ротшильды искусственно нагнетали интерес к французской валюте информацией, что вскоре золотое содержание франка будет возвращено до предвоенного уровня. Возросший спрос на французскую валюту позволял правительству регулярно проводить дополнительную эмиссию, а в 1927 году Эмиль Моро обменял на золото тридцать миллионов фунтов стерлингов, что положило начало перемещению во Францию английского золота [15]. Необъявленная финансовая война вылилась в противостояние Великобритании и США, повлекшее провал Женевской конференции 1927 года [13]. Всего за пять лет французские авуары золота в центральном банке возросли в десять раз, сделав к 1931 году Францию вторым держателем монетарного золота после ФРС, вместе с которым она контролировала 75 % мировых запасов. Вторым удар по существующей системе был нанесен Ротшильдами, когда закрытие принадлежащего им австрийского банка Creditanstalt, выдававшего более половины кредитов в стране, инициировало банковский кризис во всей Европе.

Яростные усилия Банка международных расчетов стабилизировать Creditanstalt потерпели неудачу, а Банк Франции усилил свои позиции на фоне посыпавшихся валют. Словно предвидя дальнейшее развитие событий, Франция согласилась предоставить Германии спасительную ссуду в 500 млн. долларов с условием, что немецкое правительство приступит к расформированию «Стальных Шлемов» и остановит строительство дозволенных версальским договором линкоров.

21 сентября 1931 года Банк Англии официально отказался от золотого стандарта, следом в начале 30-х даже урезанный золотой стандарт был ликвидирован почти во всех странах, лишь сами США придерживались золотого паритета до апреля 1933 года, тем самым только стимулируя утечку золота за границу [5][7]. Привязанный к золоту объем наличных денег в обращении с 1929 по 1933 гг. сократился на 27 %, что вызвало катастрофические последствия [39]. *«...Отчаянная попытка Уолл-стрит и Нью-Йоркского Федерального резервного банка спасти свой золотой стандарт и с этим свою мечту об американской*

финансовой империи, привела к уничтожению обоих... – констатирует Уильям Ф. Энгдаль. – Крах был закономерным и полностью предсказуемым, учитывая хрупкую международную систему банковских кредитов и гарантированных облигаций, которая была построена «Дж. П. Морган и К^о» после Версальской мирной конференции в 1919 году... При отсутствии золотого стандарта... банки, боясь неплатежей, потребовали погашения существующих кредитов. Совокупный эффект способствовал самовозобновляющемуся циклу неплатежей и дефляции во всем мире» [7].

В 1944 году сенатор Г. Шипстер вспомнит о стартовавшей в 1933 году политике США, которая «...влекла за собой закупки золота и серебра по ценам значительно большим, чем существовали в момент вступления г-на Рузвельта в должность... Казначейство приобрело по взвинченным ценам золото, украденное в Маньчжурии, и серебро, вывозимое из Китая» [31]. Все оттого, что к февралю 1932 года из американских резервов утекло монетарного золота на сумму 1 млрд. долларов, количество свободного золота упало до 433 миллионов, продолжая снижаться со скоростью 150 миллионов долларов в неделю. В результате Федеральная Резервная Система, получив полномочия изыскать еще 1,5 миллиарда долларов золотых резервов, предприняла нетривиальный ход [7].

Отчаянной попыткой спасти ситуацию видится Указ № 6102 Рузвельта от 5 апреля 1933 года, грозящим десятилетним тюремным заключением всякому, кто не сдаст золото в обмен на долговые обязательства ФРС: «...властью, предоставленной мне законом, налагаю запрет на накопление золотых монет, золотых слитков и золотых сертификатов на континентальной территории США, производимое частными лицами, партнерствами, ассоциациями и корпорациями...» [16]. Золото, собранное у граждан США под страхом тюремного заключения, согласно решению Конгресса от 5 июня 1933 года мог потребовать только отечественный или иностранный кредитор.

Таким кредитором мог стать, к примеру, Бернард Барух, настаивавший в конце 1931 года в письме к сенатору Джимми Бернсу: «Эта страна не может уйти от золотой основы». Такая заинтересованность и призывы к администрации Гувера не отказываться от золотого стандарта обусловлена партнерством в компании Alaska-Juneau Gold Mining Company (AJGMC) между Барухом, заместителем министра финансов Огденом Миллзом-младшим и президентом правления ФРС Юджином Мейером-младшим, добываемое на Аляске золото которой поставлялось в банковский сейф Нью-Йорка [7]. К Первой мировой добыча на Аляске упала, хотя когда-то, после её продажи в 1867 году, «неожиданно» выяснилось, что территория настолько богата золотыми залежами, что открытое на реке Клондайк месторождение стало словом нарицательным. Если в 1900 г. на Аляске было добыто золота на 8,1 млн. долл., то в 1906 г. на сумму свыше 22 млн. [38]

С 1933 года Франция возглавила Золотой блок стан, обязавшихся оказывать взаимную помощь с целью сохранения золотого стандарта, в который входили Швейцария, Бельгия, Нидерланды, Польша под военной диктатурой генерала Юзефа Пилсудского и фашистская Италия Муссолини [4][7]. С высокой долей вероятности этот перечень совпадает с перечнем стран, контролируемых британским «Золотым клубом» во главе с Ротшильдами.

Как только у власти в 1933 году появился Адольф Гитлер, немецкая казна опустела на 121 тонну золота, а в 1935 году из 794 тонн золотого запаса Германии осталось лишь 56 тонн [19], все время золото продолжало уходить к неизвестному адресату. В 1996 г. в Bank of England были обнаружены два золотых слитка с маркировкой гитлеровской Германии [18]. Однако, судя по номерам, это золото главного кассира Третьего Рейха Георга Нетцбанда, задачей которого было эвакуировать и спрятать 770 золотых слитков весом 9625 кг. [34]

Все это время у руля Банка Международных расчетов, проводившего операции с Германией, стояли член финансового комитета Лиги Наций и директор Банка Англии сэр Отто Неймеер (Otto Niemeyer), а также Управляющий Банка Англии сэр Монтегю Норман

(Montagu Norman). В 1930 году завершены концессионные отношения с золотодобытчиком Lena Goldfields Co Ltd», по факту чего компания через суд затребовала прибыли, которые она планировала получить в течение оставшихся 25 лет добычи сибирских полезных ископаемых, на что получила естественный отказ со стороны советского правительства [26].

Дело в том, что концессия, при которой пришлось *«пойти на такие уступки, на какие до сих пор в концессионных договорах мы еще не шли»*, помимо золота распространялась на цинк, медь, свинец, железо, но концессионных выплат государству не производилось со ссылкой на убыточность. В 1929 году Каменев даже ходатайствовал перед Сталиным выделить компании 500 000 золотом. Lena Goldfields Co Ltd была теснейшим образом связана с «Русско-Азиатским банком» в Лондоне, через который связи шли к бывшим собственникам [25]. Банк был учрежден в 1895 году по личной инициативе С. Витте для гашения нарастающих долговых обязательств Российской империи за счет строительства и эксплуатации КВЖД, руководил им А. Путилов, также ставленник С. Витте. В 1908 году банк был соединен с «Северным банком», являвшимся дочерним предприятием Societe Generale и Pariba [17]. Таким образом, Ротшильды лишились еще одного источника золота.

В 1931 году ближайший друг Черчилля майор Мортон (сэр Десмонд) создает частную структуру под названием Центр промышленного шпионажа [35]. И вот по следам испортившихся отношений между Москвой и Лондоном, случился инцидент, когда по характеру выхода из строя элементов, ведущих к систематическим авариям 1931–1932 гг. на крупных электростанциях [21], единственным поставщиком оборудования для которых в СССР был английский концерн Metropolitan-Vickers [20], была выявлена диверсионная группа, состоящая из инженеров Metropolitan-Vickers. *«Все наши операции по шпионажу на территории СССР велись под руководством Интеллидженс Сервис, через ее агента С. С. Ричардса, который является управляющим директором «Метрополитен-Виккерс Электрикал Экспорт Компани Лимитед»* – дал признательные показания главный монтажный инженер Л. Ч. Торнтон [22]. Эти признания в зале суда слушал корреспондент агентства Рейтер Ян Флеминг [23], будущий создатель образа Джеймса Бонда. Реальным прототипам не повезло, контрразведкой было установлено, что в министерстве торговли и промышленности Англии была образована Комиссия по делам русской торговли, объединившая всю разведывательную работу в СССР в составе трех секций: военной, политической и информационной, которые состояли из представителей Metropolitan-Vickers, Vickers Ltd., English Electric Co, Babcock and Wilcox [24]. Реакцией на судебный процесс был закон о запрете советского импорта в Великобританию 1933 года [25], торговые переговоры были возобновлены только после помилования и высылки двух инженеров, приговоренных к тюремному заключению [26]. Несмотря на провал в 1935 году Центр промышленного шпионажа перестает быть частной и становится государственной структурой, выступающей от имени Имперского оборонного комитета и изучающей промышленный и военный потенциал ряда государств [35]. Сомнительно, что центр поменял заказчиков, скорее структуру перевели на содержание налогоплательщиков.

Постановление СНК от 27 октября 1930 года ликвидирует Концессионные комитеты и их филиалы за границей [25], и в начале 30-х лорд Бальфур выступает в английской печати с примечательным заявлением: *«Будут ли немцы снова воевать? Я твердо уверовал, что в один прекрасный день либо мы позволим немцам перевооружиться, либо сами вооружим их. Перед лицом грозной опасности с Востока невооруженная Германия была бы подобна созревшему плоду, который только того и ждет, чтобы русские сорвали его. Если бы немцы не смогли защитить себя, мы должны были бы выступить в их защиту»* [27]. Казалось бы, причем здесь фашизм?

«Brittanes Reich»

«Диктаторы стали довольно популярны в наши дни, и, возможно, пройдет не так много времени, и нам в Англии потребуется свой» [01].

Эдуард VIII, в разговоре с прусским принцем Луи Фердинандом 13 июля 1933 года

Начинать эту историю можно с высказывания настоятеля Кентерберийского собора Хьюлета Джонсона о свободе Англии и России, решающейся «в этой великой битве». Архиепископом этого собора был Уильям Темпл, член команды профессора Лондонской школы экономики, историка Арнольда Тойнби, бессменного главы Chatham House, или Королевского института международных отношений (Royal Institute of International Affairs), появившегося в 1926 году в Лондоне с филиалами в доминионах. Структура сложилась во время все той же Парижской конференции по инициативе секретаря Роберта Сесила, Лайонела Кертиса и лорда Альфреда Милнера, которого в апреле 1917 года упомянул в своем дневнике глава французской военной миссии при царской Ставке Морис Жанен, отметив, что Февральская революция «руководилась англичанами и конкретно лордом Милнером и сэром Бьюкененом». В рамках работы института, влиявшего на страны вне содружества с помощью Организации интеллектуального сотрудничества Лиги Наций члены группы Милнера издавали ежегодный «Обзор международных дел».

Королевский институт международных отношений был представительской организацией созданного на деньги Ротшильдов «Круглого стола» и являлся ровесником американского «Института международных отношений», в котором вопросами единой Европы занимались Исая Боуман и Николас Спикмен, пророчески предрекавший в 1938 году: *«Если только мечта о Европейской конфедерации не станет реальностью, то может легко оказаться, что через пятьдесят лет четверку мировых держав будут составлять Китай, Индия, США и СССР»*. В середине 20-х Тойнби едет в США к братьям Даллесам и экс-начальнику американского Генштаба Таскеру Блисссу. Вместе они формируют идею о том, как Объединенная Европа поглощает 25 суверенных государств [02][03][04][05][06][07][43]. В команду Тойнби также входил генеральный секретарь Всемирного совета церквей, экуменист Вистер т'Хоофт [05].

Формированием объединенного Европейского Союза и в Великобритании, и в Германии занимались, скажем так – профашистские режимы. Секретарем Милнера был редактор Times Джеффри Доусон, который, по собственному признанию, *«день за днем делал все возможное, чтобы в газеты не просочилось что-нибудь, что могло задеть их [нацистов] уязвимые места»* [01]. Уильям Энгдаль пишет, что *«эта группа «Круглого стола»... группировалась вокруг влиятельной лондонской «Таймс» и включала такие имена, как министр иностранных дел лорд Альберт Грей, историк и сотрудник британской тайной разведки Арнольд Тойнби, а также Герберт Дж. Уэллс, лорд Альфред Милнер из южноафриканского проекта и создатель новой научной концепции, названной геополитикой, Халфорд Дж. Макиндер из лондонской Школы экономики»* [82]. Герберт Уэллс работал в разведывательной структуре издателя Times Кэмпбелла Стюарта (Sir Campbell Stuart). Во время Первой мировой Комитет сближения Англии и России во главе с лордом Уэрделем организовал приезд в Англию делегацию российских писателей во главе с В. Немирович-Данченко, в которую вошли В. Набоков, А. Толстой и К. Чуковский. Во время их визита состоялось посещение английского парламента, встречи с королём Георгом V и известными писателями Конаном Дойлем и Гербертом Уэллсом [83], который, будучи женат на бывшей гражданской жене М.

Горького, станет его хорошим другом и продолжит поддерживать отношения во время визитов в Россию, где также будет встречаться с К. Чуковским, с учёным-физиологом И. Павловым и послом в Англии И. Майским [84].

Руководитель Г. Уэллса, издатель Times Кэмпбелл Стюарт (Sir Campbell Stuart) в конце Первой мировой войны вошел в группу лорда Нортклиффа, занимавшуюся пропагандой в неприятельских странах. Также в нее входили редактор иностранного отдела Times Г. Виггэм Стив, издатель Daily Chronicle Роберт Дональд, директор агентства Reuters сэр Родерик Джонс и сам упомянутый фантаст Герберт Дж. Уэлс, заведовавший немецким отделом. Наблюдателем при службе состоял выходец из банковской семьи, будущий советник Рузвельта – Уолтер Липпман [80], в 29 лет уже ставший соавтором конвенции о создании Лиги Наций [85], которую заместитель наркома по иностранным делам РСФСР М. М. Литвинов охарактеризовал «не как дружественный союз народов, работающий на общее благо, а как замаскированный союз так называемых великих держав, присвоивший себе право распоряжаться судьбами более слабых народов» [86]. К тому времени глава Times Кэмпбелл Стюарт уже являлся основателем группы доверенных лиц, тайно встречающихся в лондонском Электра-Хаус и секретной службы, легший в основу службы политической разведки Political Warfare Executive (PWE), руководство которой он впоследствии передал Энтони Идену [79].

«Верховный комиссар Капской колонии в Южной Африке Альфред Милнер был близким партнером лорда Ротшильда и Сесила Родса, причем оба принадлежали к секретной группе, называющей себя «Общество избранных»... «Н. М. Ротшильд и К^о» в Лондоне тайно финансировала Родса, Милнера и южноафриканские военные походы... Родс, Милнер и элитный круг стратегов империи основали в 1910 году тайное общество... Они называли свою группу «Круглым столом», а также издавали свой журнал с тем же самым названием».

Уильям Ф. Энгдал, «Боги денег. Уолл-стрит и смерть Американского века»

«Общество избранных», о котором пишет Уильям Ф. Энгдал, было внутренним звеном, дополняемым «Ассоциацией помощников» закрытого клуба «Группа» [37], связанного с обществом «Круглый стол», членами которого, помимо семейства Ротшильдов являлся британский министр иностранных дел А. Бальфур [40]. К вопросу по чьи лекалам строили Третий рейх можно привести воспоминания Макса Илгнера, племянника Германа Шмица о встречах в немецком «Клубе господ», организованном еще до выхода на политическую сцену Гитлера [67].

Помимо стоявшего у основания «Круглого стола» Альфреда Милнера, постоянными членами клуба были упомянутый консервативный политик Леопольд Эмери, либеральный политик Р. Б. Холдейн, один из основателей геополитики и британский наблюдатель при генерале Деникине – Хэлфорд Макиндер, краткая доктрина которого сводилась к тезису: «Кто контролирует Восточную Европу... тот командует миром», философ Бертран Рассел и лидеры английского социализма супруги Веббс, чей глава семьи также являлся основателем Лондонской школы экономики и состоял в Фабианском обществе [59][61][62][63][72].

Близким составом между 1902 и 1908 годами в лондонском отеле Св. Эрмина ежемесячно организовывались встречи элитарного клуба «Эффективников» (The Co-efficients) [36] [59][64]. Участником застолий в Св. Эрмине был также старейший член могущественной семьи Англии, кузен А. Бальфура – лорд Роберт Сесил, лорд Альфред Милнер – друг и биограф А. Тойнби, который был племянником друга Милнера по колледжу. По ходу развития своей карьеры Милнер являлся личным секретарем министра финансов Дж. Гошена, руководителем налогового управления Египта, своей политикой в должности верховного комиссара (High Commissioner) в Южной Африке ускорил начало 2-й Англо-бурской войны, сразу

заявляя губернаторское кресло не вполне еще завоеванных Трансвааля и бывшей Оранжевой республики [36][41][42][43]. О создании тайной организации, в которую вошли лорд Натаниэль Ротшильд, лорд Розбери, Эрл Грей, Альфред Байт и Альфред Милнер, определяющей британскую политику договаривались Реджинальд Бэлиол Бретт, он же лорд Эшер, доверенное лицо сначала королевы Виктории, а затем Эдуарда VII и Георга V, журналист и разведчик Уильям Стэд (Стид) и Сесил Родс, пригласивший к участию своего любовника Леандера Стара Джеймсона [37].

«Субъект этот исходно возник как наднациональный спрут, в безопасной Англии покоилась лишь его голова, тогда как щупальца шарили по всей Европе и далеко за ее пределами; спрут этот был не только наднациональным, но и тайным, причем тройне – и как финансы, чья стихия тайна, и как спецслужбы, тоже действующие в тени, и как тайные общества. Фасадом была «британская монархия», которую новый субъект постоянно ограничивал...»

А. Фурсов, «De Conspiratione: капитализм как заговор»

Под контролем «Группы» также находились такие издания как Times через его владельца Альфреда Хармсуорта, а также ежеквартальник The Round Table, журналы Quarterly Review, The Economist и Spectator [37]. Такие закрытые клубы, по словам А. Фурсова, *«действуют, управляют, воспитывают и мыслят как компактная, тесно спаянная олигархия, привлекающая к сотрудничеству средний класс»* [43]. К участию в застольях в Св. Эрмине привлекается и глава Лондонской школы экономики, отец теории геополитики, генерал-майор Карл Хаусхофер, стоявший за спиной у Гитлера, когда тот писал Mein Kampf [36] и воспитавший секретаря Гитлера – Рудольфа Гесса [44], на свадьбе которого было два свидетеля: Гитлер и Хаусхофер [60].

Существует мнение, что английский полет Гесса был спланирован Альбрехтом Хаусхофером, игравшим роль связного между Гессом и президентом Международного Красного Креста в Швейцарии Карлом Буркхардтом [35]. По словам Ричарда Сесулая (Richard Sasuly): *«Монополистические круги в англо-саксонских странах, несомненно, сознательно поддерживали перевооружение Германии, надеясь направить ее на Советский Союз».*

О чем писал «Журнал геополитики» (Zeitschrift für Geopolitik), связанный с британскими закрытыми обществами Карла Хаусхофера в 1926 году? – *«Россия – одна шестая часть мира – не стала еще ничьей добычей, и тем самым война не окончена. Романцы и германцы рассматривают Россию как будущую колонию»* [58]. Он же видимо и надиктовывал Гитлеру, когда тот писал свой известный труд: *«Мы, национал-социалисты... приостанавливаем вечное стремление германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взор на земли на востоке... мы можем в первую очередь думать только о России и подвластных ей пограничных государствах»* [57]. Кроме того:

«...Практически первой моделью Евросоюза был Третий рейх, на самом деле Гитлер создал Евросоюз, это надо признать...» [08].

А. Фурсов, радио Маяк. «О мировых элитах и тех, кто правит миром», 30.08.2012

Описание модели будущего Евросоюза встречается в «Памятной записке» как бы фантаста Герберта Уэллса: *«Военная цель союзников в Восточной Европе состоит в том, чтобы создать... нечто вроде «Восточного средневропейского союза» в составе «Союза наций» – союз, который бы мог простираться от Польши до Черного и Адриатического морей, и который бы имел выход к Балтийскому морю, если не порт в Данциге»* [80]. План объединения Европы разрабатывался и левыми, и правыми консерваторами Франции, Бельгии и Голландии в 30-х и после нацистской, оккупации [88].

В Третьем рейхе В. Шелленберг, разрабатывая план «новой», федеративной Европы в 1942 году в качестве модели предлагал Швейцарию [87]. Над объединением Европы через «мирное проникновение» немецкой промышленности трудился целый Центрально-европейский экономический совет (ЦЭС), основными спонсорами которого являлись I. G. Farben, Krupp AG, Немецкая Ассоциация машиностроения и влиятельная Имперская Ассоциация немецкой промышленности и прочие. ЦЭС и Генеральный штаб готовили список условий победы в полномасштабной войне с СССР, который потребовал А. Гитлер в 1935 году. Значительная роль отводилась Карлу Котцу и Герману Абсу, представителям Dresdner Bank и Deutsche Bank, для которых «мирное проникновение» также являлось главной целью по мнению главного финансиста Третьего рейха Ялмара Шахта. Экономической целью ЦЭС в начале 1930-х годов было уговорить балканские и соседние центрально-европейские страны полностью положиться на Германию. Еще до того как Гитлер возглавил имперскую канцелярию, ЦЭС при поддержке МИД вел секретные переговоры с Бенито Муссолини о разделе сфер экономического влияния в Европе, при котором Италии отходили Юго-Восточная Европа и Сербия, а Германия получала Австрию, Словению, Хорватию, Венгрию и Румынию [07]. Примечательно, что членом ротшильдовского «Круглого стола» являлся также и главный финансист Третьего рейха Ялмар Шахт [59], и то, что представлять Россию в германском ЕС должен был Лев Троцкий [88].

4
(Three IFL Badges being the first Pattern, Membership Badge, 2nd Pattern, and May Day Rally Badge 1936)

IFL MEMBERS ARM BAND

Журнал и значки британских фашистов

К середине 30-х идея объединения Европы становится столь популярной среди британского истеблишмента, что лидер лейбористской партии Клемент Эттли на съезде в 1934 году заявлял: *«Мы сознательно ставим верность мировому порядку выше верности собственной стране»* [05]. Сторонником объединения Европы становится лидер британских фашистов баронет Освальд Мосли, о здоровье которого английское правосудие так заботилось, что выпустило последнего из тюрьмы только лишь из-за «внушенного опасения» ревматизма [13]. В своей книге «Мы будем жить завтра» основатель Британского Союза Фашистов писал: *«...Европа погибнет без объединенного эффективного руководства великих держав»* [10]. Интерес представляют финансовые источники организации Освальда Мосли, который в конце 1936 года в интервью II Giornale d'Italia не скрывал, что *«получает поддержку от английских промышленников»* [09]. Покинувший в 1937 году Британский Союз Фашистов Александр Милз утверждал, что среди его финансовых источников, помимо «Совета 12 по использованию угля» была британская компания Imperial Chemical Industries, с 1932 года, по сути, являвшийся подразделением I.G. Farben. Кроме этого, по сообщению Специального отделения полиции, для сбора денег казначей БСФ совершал регулярные поездки в Женеву [10], где в декабре 1934 года прошел первый всемирный конгресс фашистов, собравший делегатов из Британии, Ирландии, Франции, Бельгии, Дании, Норвегии, Швейцарии, Греции, Австрии, Румынии, Литвы, Италии, Португалии, Испании.

В то время в Англии фашистские идеи приобретали такую популярность, что в ней были созданы партия Британских фашистов, Фашистская лига, Фашистское движение, Кенсингтонская фашистская партия, Йоркширские фашисты, Национальные фашисты [01]. В Англии существовал и активно действовал Большой совет британских фашистов, член которого Джон Бейкер-Уайт находил *«в лице господина Гимmlера... очаровательного хозяина дома, очень дельного шефа полиции»*. В 1934 году писатель Георг Шотт в книге «Х. С. Чемберлен, прорицатель Третьего рейха» писал: *«Немецкий народ, не забудь, и всегда помни, что это «иностранец» Чемберлен назвал «иностранца» Адольфа Гитлера твоим фюрером»*.

Основатель Имперской фашистской лиги Арнольд Лиз в 1935 году, задолго до «хрустальной ночи», выступил за *«решение еврейской проблемы с помощью «камер смерти»*», он же стал автором «мадагаскарского решения» [01].

Кроме того, именно министр по делам колоний Малькольм Макдональд в 1939 году ограничил предел еврейской иммиграции в Палестину, являвшуюся английской колонией, в количестве 75000 человек на пять лет. Решение, как пишет М. Гилберт, закрывало *«для преследуемых евреев Центральной и Восточной Европы одно из немногих убежищ, остававшихся открытым для них»*. Более того, заместитель министра по делам колоний сэр Джон Шакбер вообще отменил иммиграционную квоту на въезд евреев в Палестину с апреля по сентябрь 1941 года, в результате к марту 1943 года 33831 выездных сертификатов так и не были использованы [73].

«Твое место здесь!» Плакат британских фашистов, 1930-е гг.

Впрочем, с решением «еврейского вопроса» у британских фашистов было неоднозначно: если в 1933 году их лидер и близкий друг А. Гитлера – Освальд Мосли ориентировался на итальянских фашистов, которые, как отмечалось в апреле 1933 г. в газете «Блэкшет» *«смогли избежать конфликта с евреями...»* [10]. О самом Мосли «Дейли телеграф» в номере от 30 сентября писала, что на лондонской конференции фашистов 29 сентября 1933 г. было зачитано: *«Как вы, вероятно, знаете, дед леди Цинтии Мосли был евреем и назывался Леей Лейтер. Хорошо известно также, что некто Кон, еврей, финансирует организацию сэра Освальда Мосли. В Англии антисемитизм является критическим пунктом в фашистском движении. И сэр Освальд Мосли уже категорически предписал всем членам организации, многие из которых убежденные антисемиты, совершенно отказаться от антисемитской позиции»* [11].

«Чернорубашечницы» – члены Британского союза фашистов

Однако уже в октябре 1934 года устами одного из вождей Британского Союза Фашистов Альберта Холла было публично заявлено, что Союз берет на вооружение антисемитизм, и все евреи исключаются из его состава [10]. По утверждению одного из руководителей отдела политической разведки английского МИД Брюса Локхарта в июле 1933 года наследник британского трона Эдуард VIII заявил: *«Мы не должны вмешиваться во внутренние дела Германии ни в отношении еврейского вопроса, ни в отношении чего бы то ни было другого»* [01]. Как пишет подполковник разведки армии США У. Перл: *«Первые два человека, убитые британцами во Второй мировой, были не немцами, а еврейскими беженцами»*, погибшими в инциденте 1 сентября 1939 года, когда британское судно расстреляло корабль «Тайгер Хилл» с 1417 беженцами, направлявшимися в Палестину [83].

«Государственную власть олицетворяет узкая олигархическая группа – национал-социалистский орден, его совет и его вождь. Эта иерархия облакает властью сменяющих друг друга вождей ордена по принципу «король умер, да здравствует король!»».

Генри Эрнст, «Гитлер над Европой?», 1936 г.

Вскоре на историческом горизонте Третьего рейха и в самом деле замаячит «назначенный король» Нового Европейского Порядка! Этот факт относится к малоизвестным благодаря двум персонам: весной 1945 года на юге Германии, оккупированном американскими войсками, появился сотрудник британской разведки MI-5, дальний родственник королевской четы Энтони Блант и королевский библиотекарь Оуэн Моршед. Они добрались до замка обладателя членского билета NSDAP № 53, принца Филиппа Гессенского «Фридрихсхоф», владелец которого был взят под стражу как видный деятель нацистского режима, и потребовали доступа к личным бумагам хозяина замка, утверждая, что они являются собственностью британской королевской семьи. Не пожелав вникать в тонкости королевской генеа-

логии, а ландграфы Гессен-Кассельские действительно состояли в родстве с британскими монархами, американский офицер отказал посетителям. Тогда Блант и Моршед вернулись к замку под покровом ночи и проникли в него тайно. Они быстро нашли бумаги, уложили их в два ящика и тотчас покинули «Фридрихсхоф». Неделью спустя документы были доставлены в Виндзорский замок, после чего их больше никто не видел [12][23]. В 1947 году они также посетили голландскую королеву Вильгемину, чтобы изъять переписку сына кайзера Вильгельма II, осуществлявшего связь Гитлера с герцогом Виндзорским [74]. Бумаги могли свидетельствовать о многом, например о том, что Филипп Гессенский вместе с графом Бисмарком, служившем в германском посольстве Италии, помогал директору Дрезденской картинной галереи Гансу Поссе, грабить итальянские музеи для коллекции фюрера. И вероятно это был не единственный грех члена британской королевской фамилии. У Ганса Поссе были, кстати говоря, разные помощники, в Голландии им стал голландский еврей Н. Кац (Катц) [71], а Энтони Блант составляет каталог рисунков Виндзорского дворца, а позже становится советником королевы по вопросам искусств [74].

Лицо британского фашизма

Не так давно вышла книга об Эдуарде VIII, написанная Мартином Алленом (Martin Allen). В ней он, в частности, утверждал, что тот помог нацистам оккупировать Францию, передав им секретные данные. Хотя при написании он использовал архивные документы, к делу тутже подключилась Королевская прокуратура и быстро установила, что все их Аллен подделал. Однако в связи с состоянием здоровья историка было принято решение не подвергать его преследованию [14].

«...пресловутая свобода английской печати, о которой так громко и навязчиво кричат за границей и которая выражается в почти полном невмешательстве в ее область административных и полицейских властей, на самом деле есть фикция, ибо она скована по рукам и ногам угрозою репрессий»

Барон Рауль де Ренне, «Тайный смысл нынешних и грядущих событий»

Королева Елизавета и принц Филипп на борту военного катера, везущего их из Ста-тен-Айленда к Манхэттену во время однодневного визита в Нью-Йорк, 21 октября 1957 г.

В случае с Мартином Алленом некоторые английские историки пытались было возму-щаться, вспоминая, что Эдуард Альберт Кристиан Джордж Эндрю Патрик Дэвид, или, если короче, – Эдуард VIII, дебютировал в роли пронацистского кандидата еще летом 1935 года в Тронном зале королевы, где, обращаясь к бывшим солдатам и офицерам Легиона, призвал их навсегда забыть порожденную Великой войной враждебность между Британией и Гер-манией. Тогда присутствующие поднялись со своих мест и устроили принцу бурную ова-цию; британский флаг мирно соседствовал с флагом со свастикой [15]. Флаги продолжали соседствовать и впоследствии, с 1940–1945 гг., развиваясь над Нормандскими островами – британской территорией, занятой вермахтом. А портрет венценосного наследника будет соседствовать с портретом рейхсфюрера СС Гимmlера в кабинете Джона Эмери, вербов-щика британских добровольцев на службу Третьему рейху. Правда, в самом Третьем рейхе его отцу Леопольду Эмери, министру по делам колоний и Британской Индии приписывали

«еврейские связи», так как он являлся автором теста Декларации Бальфура и одним из основателей Еврейского легиона. Второй его сын был твердым сторонником Израиля. В 1944 году члены Британского добровольческого корпуса («Легион святого Георгия») войдут в состав Waffen-SS, и на их эмблемах будет соседствовать мертвая голова и все три льва британского герба – под флагом «Юнион Джек» с венчающей его свастикой [10][61]. Уильям Ф. Энгдаль пишет еще более откровенно: *«Самым влиятельным на тот момент сторонником Гитлера в Британии был Эдуард VIII, король Англии»* [82]. Это же в своих воспоминаниях подтверждает Иоахим Риббентроп: *«Эдуард VIII к тому времени не раз показывал дружелюбное расположение к Германии. Так, он тепло поддержал подготовленную мною встречу руководителей германской и английской организаций солдат-фронтовиков»* [84].

«Для того, чтобы защитить лиц, которые пострадали бы от разглашения информации, или их потомков... некоторые из самых важных документов... касающихся британского фашизма, были засекречены. [...] Ходили слухи о том, что в отделе МИ6 пылали костры, уничтожались целые груды дел, касавшихся уважаемых лиц и их роли в событиях 1939/40 гг. [...] Огласке было предано лишь несколько имен, и дела эти, главным образом, касались почивших в бозе. Для защиты репутации уважаемых представителей британского истеблишмента, тех, кто пытался договориться с Гитлером, доступ к архивным данным был закрыт. [...] В послевоенный период британское правительство также отказывалось публиковать документы, связанные с деятельностью этой организации. Выяснилось, что доступ к информации о «Клубе правых» был закрыт не только в Лондоне – по просьбе британской стороны соответствующие документы были изъяты и из государственных архивов в Вашингтоне».

Мануэль Саркисянц, «Английские корни немецкого фашизма»

В 1936 году король Великобритании Эдуард VIII отрекся от престола ради американки миссис Симпсон. Не прошло и сорока восьми часов после официального отречения, как ворота принадлежащего Юджину фон Ротшильду замка Энсфельд, расположенного в окрестностях Вены, распахнулись и пропустили черный лимузин, со старыми друзьями Юджина – Эдуардом и миссис Симпсон. По просьбе Ротшильдов деревенский совет избрал герцога почетным главой Энсфельда, приняв на себя расходы по содержанию экс-монарха, превратившегося в герцога Виндзорского [16]. Давние связи британской короны с институтом придворных факторов продолжались еще с дедушки Эдуарда VIII, близко дружившего с крупным финансистом и главой Еврейского колониационного общества Эрнестом Касселем [17][18].

Еще через год, в октябре 1937 года герцог и герцогиня Виндзорские отправились с визитом в нацистскую Германию. На берлинской железнодорожной станции Фридрихштрассе их встречали, в числе других официальных лиц: глава МИД Риббентроп и вождь Германского Трудового Фронта Роберт Лей, бывший сотрудник I.G. Farben. На вечерний прием в его доме по случаю собрались Рудольф Гесс, Генрих Гиммлер, Ялмар Шахт и Йозеф Геббельс с женами. В апреле 1941-го сотрудники ФБР доложат своему шефу Эдгару Гуверу о том, что Уоллис Симпсон состояла в интимных отношениях с Иоахимом фон Риббентропом [12]. Симпсон была вообще довольно странная особа и по части интимных отношений, и по прочим личным аспектам. Поэтому как-то сомнительно, что от британской короны Эдуард VIII отрекся ради нее, а не ради чего-то большего. Не зря английский дипломат Невилл Гендерсон признался Гитлеру, что Англия желает оставить за собой заморские территории, а Германии предоставляется свобода действий в Европе: *«Германии суждено властвовать*

над Европой... Англия и Германия должны установить близкие отношения... и господствовать над миром» [01].

Фашистский плакат. Великобритания, 1930-е гг.

*«Только в союзе с Англией, прикрывающей наш тыл, мы могли бы начать новый великий германский поход. Наше право на это было бы не менее обосновано, нежели право наших предков. [...] Никакие жертвы не должны были показаться нам слишком большими, чтобы добиться благосклонности Англии. Мы должны были отказаться от колоний и от позиций морской державы и тем самым избавить английскую промышленность от необходимости конкуренции с нами» [19].
Адольф Гитлер, «Mein Kampf»*

Но нужно обратить внимание и на вторую часть плана, в котором создание объединенной «Срединной Европы» было лишь первой ступенью. 3 мая 1941 года Эдгар Гувер направил докладную записку секретарю Рузвельта генерал-майору Уотсону, в которой сообщал: «...имеется информация о заключении герцогом Виндзорским соглашения, суть которого

такова: после победы Германии Герман Геринг при помощи армии свергнет Гитлера, а на английский престол возведет герцога Виндзорского. Сообщается, что информация касательно герцога исходит от его личного друга Аллена Макинтоша, который организовывал увеселительную программу вельможной пары во время их недавнего пребывания в Майами» [20].

Помимо этого известно, что Гитлер вполне открыто обсуждал реставрацию герцога Виндзорского на троне в случае оккупации Великобритании [21]. Так может быть, именно по этой причине Банк Англии и лорд Монтегю Норман так потворствовали проекту под названием «Адольф Гитлер»? А старый друг Юджина фон Ротшильда – Эдуард VIII, в качестве губернатора Багамских островов должен был лишь дожждаться назначенного приза в виде «Третьей империи» – «нового европейского порядка». Каков должен был быть этот порядок? В феврале 1941 года Эдуард VIII даст интервью журналисту Фултону Ауэрслеру, в котором скажет: *«Что бы ни произошло, на нашей планете неизбежно установится «новый порядок»... Он должен опираться на полицейскую власть... На этот раз вместе с миром воцарится новая социальная справедливость» [20].*

Симпсон, герцог Виндзорский и А. Гитлер

Освальд Мосли, – «мой добрый друг», как его называл Муссолини – имел схожее с итальянским диктатором видение фашизма: *«Фашизм не пытается примирить противоречия ни в отдельном человеке, ни в государстве. Фашистское государство – это деловое предприятие»*. В своем «Открытом письме представителям делового мира» Мосли обещает: *«В корпоративном государстве ваши предприятия останутся при вас»*, а в книге «Великая Англия» добавляет, что *«извлечение прибылей будет, не только разрешено, оно будет поощряться» [09].* Чтобы обеспечить «извлечение прибылей» в качестве идеального государственного устройства предполагалась диктатура. В 1934 году сподвижник Освальда Мосли, Уильям Джойс издал книгу с показательным названием «Диктатура»: *«...при фашизме свобода слова не будет разрешена... Сейчас слишком много свободы, единственные новости, которые будут печататься, будут отражать позицию государства»*. Об установлении диктатуры прямо писал в своей работе «Чернорубашечная политика» вождь БСФ, причем прийти к власти «чернорубашечники» собирались, организовав молодежный протест, как он сам предполагает в указанной книге: *«Чтобы достичь цели, наше движение*

должно представлять организованное восстание молодежи». Одним словом, ничто не ново под Луной [10].

Значок «Кольцо немецко-британской дружбы», 1930-е гг.

Шансов выиграть войну у СССР в одиночку Германия из-за нехватки ресурсов почти не имела, как заметил А. Фурсов в интервью «История Евразии и мировая система»: *«Исход войны был решен в первые три месяца, несмотря на все поражения, у Гитлера было два-три месяца на то, чтобы одержать победу, а если он не выигрывал в первые два-три месяца, дальше он мог играть уже на ничью, но в 43 году и возможности на ничью тоже ушли»* [22]. Уже с 1943 года в рамках исследовательского центра под крышей «Имперской группы промышленности» разработкой экономической реформы, которая понадобится после того, как рухнет нацистский режим, занимался ближайший ученик и последователь социолога Франца Оппенгеймера – Людвиг Эрхард – будущий канцлер и автор «экономического чуда» ФРГ [24], который считал: *«Сформировавшееся общество – это не модель, которая может функционировать только в оболочке национального государства. Оно может выразиться и в картине объединенной Европы»* [25].

Реализация «Срединной Европы» продолжилась уже антигитлеровской коалицией, но по-прежнему не без участия структур, аффилированных I.G. Farben. Родственником одного из основателей I.G. Farben Карла Боша был Роберт Бош [26]. В течение 1942–1943 годов совладелец концерна «Роберт Бош» и представитель антигитлеровской коалиции – Карл Герделер представлял уже упоминавшемуся «шведскому банковскому и промышленному королю» Якобу Валленбергу обновленный вариант создания Европейского Союза (ЕС), где «колонии европейских государств станут общеевропейскими колониями. В соответствии с проектом Карла Герделера Англия оставалась вольна вступать или не вступать в ЕС, который входил бы в Мировой Союз, включающий США, Панамериканский союз, Британскую империю, СССР, Китай, Союз мусульманских стран и Японию. Во главе Мирового союза должен был стоять верховный орган власти над миром, располагающий **«полицейской авиацией»**.

С учетом ситуации на фронте Герделер считал, что на Востоке *«плодотворное экономическое сотрудничество с большевистской Россией»* не может разворачиваться и, более того, целью должно быть **«постепенное втягивание России в европейское сообщество»** [27] [28] – план, рожденный не без участия Британии.

«В конце концов, ни одно немецкое правительство в своей силовой политической экспансии никогда не получало такой поддержки со стороны Англии, как правительство Адольфа Гитлера, И, пожалуй, ни один глава немецкого государства так не идеализировал Англию, как Гитлер.

Нацистский режим всегда относился к Британской империи как к «старшему брату Третьего рейха, связанному с Германией общими постулатами о расовом превосходстве».

Мануэль Саркисянц, «Английские корни немецкого фашизма»

15 сентября 1938 года фюрер Третьего рейха в беседе с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом рассказал, *«что у него с юношеских лет возникла идея тесного германо-английского сотрудничества... Причина, по которой он подобным образом выступал за эту дружбу, состоит в том, что он еще с 19 лет развил в себе определенные расовые идеалы»* [29]. При Адольфе Гитлере развитие получила англистика – наука об английской культуре и английском языке [01]. 5 ноября 1937 года Гитлер назвал англичан *«народом германской расы, который обладает всеми ее качествами»* [31]. В распространенных «школах Адольфа Гитлера» и высших партийных школах учебное время перераспределялось за счет всех предметов, кроме английского [30]. В Английском королевском институте международных отношений в 1938 году был сделан доклад о «воспитании будущих вождей нацистов», в котором отмечалось, что нацистские заведения во многих отношениях построены по образцу английских. Йозеф Геббельс считал «отцом нашего духа» и «пионером» нацизма именно Хьюстона Чемберлена, которого ставили в один ряд с графом Жозефом Артуром де Гобино [01], который тоже, надо заметить, не был немцем.

«Зачем извиняться по поводу превосходства англосаксов над другими?»

Конечно мы высшая раса!» [70].

Уинстон Черчилль

Английская традиция расовых теорий берет свое начало в работах Лорда Монбоддо (1714–1799), выпускника Шотландского университета Эдинбурга. Он первым задолго до Дарвина назвал антропоидную обезьяну «братом человека» и выделил «получеловеческие расы» – «semi-human races», полагая, что их морфологическое строение указывает на то, что они еще не вполне очеловечились и застряли на пути от животного к человеку. На его взгляды тогда обратили внимание Эразм Дарвин и Жорж Бюффон. Начинание было подхвачено медиком из того же университета, что и Монбоддо – Чарльзом Уайтом (1728–1813): *«Каждый, кто делал естественную историю объектом своего исследования, имел возможность убедиться в том, что все существа представляют собой прекрасную градацию, простирающуюся от низших форм к высшим. Постепенно восходя, мы приходим, наконец, к белому европейцу, который, будучи наиболее удаленным от животной твари, вследствие этого может рассматриваться как наилучший продукт человеческих рас. Никто не усомнится в его интеллектуальном превосходстве. Где мы обнаружим, помимо европейца, эту прекрасную форму черепа, этот столь обширный мозг?»*.

В подтверждение своих тезисов Уайт показывал, что объем черепной коробки негров меньше, стопа его шире, а подбородок сильно выступает вперед, как это наблюдается у большинства обезьян. А далее пикантный ход развитию теории расового неравенства придал небезызвестный профессор политической экономии в Коллегии Ост-Индской компании – Томас Мальтус, объяснивший, что приобщать к цивилизации «дикие» племена – занятие сомнительное, так как все они претенденты на исчерпаемые ресурсы, борьба за которые обеспечит выживание только более успешным. Так его стараниями расовая теория обрела форму противостояния.

Все в том же Эдинбурге преподаватель Чарльза Дарвина в частной анатомической школе – Роберт Нокс, пояснял, что история учит тому, что гибридные расы нигде и никогда не достигали конечного преимущества, *«равно как и беспородные стаи дворовых псов, они вечно влачат эволюционную ляжку биологических изгоев»*, т. е. нужно блюсти расовую чистоту, чтобы сдерживать то самое расовое противостояние. Книга его ученика по-настоя-

щему так и называется: *«Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь».*

«...смешение очень разных рас может привести к появлению типов, низших по сравнению с обеими исходными расами. Все уверены, что результат смешения именно таков во всех случаях» [32].

Председатель Евгенического общества Леонард Дарвин, из письма участникам Имперской конференции 1923 года

Чарльз Дарвин происходил из семьи потомственных масонов: дед Эразм Дарвин был мастером Объединенной масонской ложи, отец Роберт Дарвин – главой нескольких лож Англии. Учение Дарвина распространялось при финансовой поддержке Великой масонской ложи Англии. Но существует версия, что свою знаменитую книгу Чарльз не писал, потому что не обладал достаточными знаниями и способностями, кроме того, страдал синдромом Аспергера. Существенная часть трудов Дарвина принадлежит его другу, члену-корреспонденту Петербургской Академии наук и президенту Лондонского Королевского общества, биологу Томасу Хаксли (Гексли), за восемь лет до Дарвина выпустившего книгу «Зоологические свидетельства о положении человека в природе». Томас Хаксли (Гексли) происходил из семьи главы банка Джорджа и Рахиль Хаксли (Гексли), и помимо всего прочего являлся сотрудником английских спецслужб [38][39]. Благодаря его публичной позиции создавалось общественное мнение, что подлинный дарвинист обязательно должен быть и социальным дарвинистом.

В 1890 году была опубликована его нашумевшая работа «Арийский вопрос и доисторический человек». По мнению Хаксли можно уверенно говорить о том, что исконные, древние формы арийских диалектов возникли еще в неолите, на территориях вокруг Северного и Балтийского морей, и их носителем был человек высокого роста с **длинным черепом, светлыми волосами и голубыми глазами**. Последователи Дарвина одними из первых принялись в своих трудах подтверждать эти положения: различия между расами имеют эволюционное происхождение, они четко прослеживаются с глубокой древности и имеют прямые аналогии с животным царством. Поэтому расы людей, сточки зрения зоологической классификации, тождественны породам животных.

«Один из самых важных признаков, отличающих одну расу от другой, это форма черепа... Наряду с формой черепа, может быть, самый важный признак – расположение челюстей... Чем выше раса, тем меньше выступают ее челюсти... Важное значение для определения расовой принадлежности имеет цвет волос. Белая раса четко делится на три разновидности».

Профессор ассириологии Оксфордского университета Арчибальд Генри Сейс, «Расы Ветхого Завета», 1925 г.

Протеже Томаса, ставший под его протекцией профессором Королевского хирургического колледжа, сэр Уильям Генри Флауэр создал вариант расовой классификации на основании доминантных признаков цвета волос, глаз и кожи. Идею классификации людей разработал его коллега сэр Уильям Тернер, разработав свой вариант на основании «крестцового индекса» («sacral index») прямохождения: у гориллы он равен 72, у австралийских аборигенов – 98; у европейцев – 112. Далее президент Антропологического общества и глава Антропологического института, бристольский этнолог Джон Биддоу ввел «индекс негроподобности» (index of negrescence), чтобы высчитать на шкале измерений генетическое расстояние тех или иных рас **от северных европеоидов, которые в данном случае принимались за эталонную величину**. Джон Биддоу проанализировал экспонаты портретных галерей аристократических родов, выявив, что процент долихоцефалов со светлыми волосами и глазами

значительно выше, нежели среди низших классов, в которых интеллектуальная элита, по-видимому, окончательно разочаровалась [32], ибо в безработице и нищете евгеника обвиняла именно расовую деградацию [65].

Таким образом, «расовая теория» определилась с внешними параметрами той новой аристократической породы, которую предстояло вывести. Остальных же, видимо, ждала незавидная судьба. Работавший на гранты фонда Рокфеллера профессор в Манчестере и член Королевского общества сэр Графтон Эллиот Смит в результате своих изысканий «с большим скептицизмом стал относиться к такому абстрактно гуманитарному понятию, как «человечество»». Так в среде интеллектуального английского истеблишмента оформилась расовая теория, которую позднее спишут строго на гитлеровские институты.

Практическое применение расологии даст кузен Чарльза Дарвина по материнской линии, Фрэнсис Гальтон, ставший отцом евгеники, введя прикладные принципы в практику социального дарвинизма: *«Нет никаких оснований предполагать, что выведение людей с умственной одаренностью высшего порядка приведет к образованию стерильной или слабой расы... какую галактику гениев мы могли бы создать. Слабые нации мира неизбежно должны уступить дорогу более благородным типам (вариететам) человечества»* [32].

Социалист Карл Пирсон (Karl Pearson) окончательно определил, что евгеника должна заниматься нациями, а направленный отбор граждан, когда государство определяет, кто может иметь детей, поможет выдержать интеллектуальную конкуренцию с Германией [65]. Он и Гальтон заложили основу биометрии [66], включающей в себя различные инструменты и методики измерения интеллекта и частей тела человека.

Гальтон был крайне негативно настроен относительно христианства и выдвинул теорию, что людей можно селекционировать подобно животным. В 1883 г. он же ввел термин «евгеника» (от греческого «eu» «хорошо» + «genes» – «рожденный») [33].

Первая антропометрическая лаборатория Гальтона была открыта на Международной выставке здравоохранения в г. Кенсингтон в 1884 году, в самый короткий срок данную процедуру добровольно прошли 10000 человек, заплатив за нее по три пенса каждый. Начинание вошло в моду и вскоре и в других крупных городах были основаны аналогичные учреждения, которые начали практическую деятельность.

Эта биометрическая программа Гальтона завершила теоретические конструкции о необходимости отборного лицензированного размножения. Задолго до немецкой Lebensborn, в 1910 году, в Британии уже существовала сеть социальных работников, решавших вопросы стерилизации и отбора детей из семей. Примечательным фактом здесь является подмеченное Элизабет Эдвардс в книге «Антропология и фотография. 1860–1920» обстоятельство: знаменитая Kodak преуспела только за счет заказов правительства, которому требовалось оборудование, способное зафиксировать цветовые расовые различия (цвет глаз и тому подобное) для специальных биометрических картотек, в то время как портретная фотография продолжала существовать черно-белой и после середины прошлого века [32]. Сей факт, кстати, заставляет задуматься о назначении современных биометрических паспортов, которые, естественно, служат строго для профилактики терроризма. Eastman Kodak имел совместное с экономическим советником Гитлера Вильгельмом Кепплером предприятие Odin-Werke, производящее фотопленку [34]. Кстати, Кепплер, видимо на заработанные Odin-Werke деньги, финансировал исследования Гиммлера [35].

Гальтон придерживался мнения, что бедняки не жертвы обстоятельств, а просто стоят на более низкой ступени биологического развития. В книге «Наследственная гениальность» (Hereditary Genius, 1869 г.) Гальтон высказывает предположение, что система браков по расчету между мужчинами аристократического происхождения и знатными женщинами позволит в итоге «вывести» качественно другой народ [33]. Английский экономист и социолог Бенджамин развил вывод в книге «Социальная эволюция»: *«Следует ожидать, что в*

умах западных народов все с большей и большей силой восстанет мысль о нецелесообразности оставлять незаселенными обширные области земного шара – именно: тропические страны, не эксплуатировать их естественных богатств; предоставить их неудовлетворительному хозяйничанью местного туземного населения, стоящего на весьма низком уровне общественного сознания». По мнению Мануэля Саркисянца эту идею с незначительными изменениями, перенял гитлеровский идеолог Альфред Розенберг [32].

Гальтон был произведен в рыцари и получил почетные степени Кембриджского и Оксфордского университетов. Его крайне популярные идеи исповедовали президенты США Теодор Рузвельт и Кальвин Кулидж, премьер-министр Англии Уинстон Черчилль, экономист Мэйнард Кейнс и писатель-фантаст Герберт Уэллс [33]. Придание разведению британской расы государственного статуса Черчилль определил как «политическую задачу жизни» в 1899 году в письме кузину Ивору Гвесту (Ivor Guest), намереваясь стерилизовать 100000 «дегенеративных британцев» [76].

«В те времена об арийцах я думал в духе Гитлера. Чем больше я узнаю о нем, тем больше я убеждаюсь, что образ его мысли – копия моего, мышления тринадцатилетнего мальчишки из 1879 года, но в его случае – мысли, усиленной мегафоном, и воплотившейся. Не помню, из каких книг в моей голове возникли первые образы великих арийцев, скитавшихся по равнинам Центральной Европы, заселявших восток, запад, север и юг... в экстазе сводивших счеты с евреями... Я встречал людей на самых ответственных постах, например, Л. С. Эмери (L. S. Amery), Уинстона Черчилля, Джорджа Тревелияна (George Trevelyan), Ч. Ф. Дж. Мастермана (C. F. G. Masterman), чье воображение питалось теми же образами...».
Герберт Уэллс, «Опыт автобиографии»

Г. Уэллс не был просто фантастом, он еще один протеже Томаса Хаксли (Гексли). Будучи сыном садовника и служанки, Герберт в 1884 году получил стипендию Лондонского департамента образования для учебы в Педагогическом колледже, где выбрал для изучения биологию, а его наставником стал Томас Хаксли. Он же свел будущего знаменитого писателя с первым издателем – «Pall Mall Gazette». Томас Хаксли был автором термина «агностицизм» и помимо прочего ввел Уэллса в Метафизическое общество, членом которого был лорд-председатель Тайного совета Его Величества Артур Бальфур (Arthur Balfour).

Жена Уэллса Мора Закревская-Бенкендорф-Будберг, до этого успевшая побывать в гражданском браке с М. Горьким и любовницей дипломата-разведчика Брюса Локкарта, тоже видимо была не лишена метафизических изысканий, как и её отец, умерший в Каире, которого дочери забальзамировали и похоронили в 10-метровом склепе-пирамиде, построенном еще при жизни [59][69].

По ходу жизни список закрытых обществ, в которые вошел известный фантаст, только ширился, в 1911 году он, к примеру, дополнился членством в «Другом Клубе» (The Other Club), у основания которого стоял Уинстон Черчилль, а также клубом «Эффективников» (The Coefficients) ежемесячно собиравшемся в лондонском отеле Св. Эрмина [36][59][64]. С 1921 года Уэллс будет привлечен к деятельности еще одного закрытого клуба – футурологического общества «Киббо Кифт» [47]. Вдохновивший Олдоса Хаксли на написание романа «О новый, дивный мир...» [46], Уэллс вместе с «эффективниками» и «утопистами» разрабатывал стратегию будущего подчинения суверенных наций наднациональному правительству – со своей армией, флотом, ВВС и монополией на современные вооружения.

Из-под пера Уэллса выйдет описание будущего, где «толпы черных, коричневых и желтых народов, не соответствующие требованиям эффективности», должны «уступить дорогу»: «Их судьба – вымирание и исчезновение». Ведь, в конечном счете, «мир – не благо-

творительное учреждение» [01], так что «единственным разумным и логичным решением в отношении низшей расы является ее уничтожение» [45]. В его «Облике будущего» носящие черные рубахи ветераны мировой войны навязывают массам единое мировое правительство, историк, глядя из будущего, понимает, что «воздушная диктатура» берет свое начало в фашизме Муссолини. «Многое из того, что придумал и описал Уэллс, нашло реальное воплощение в нацистской Германии», – писал Дж. Оруэлл в 1941 году [46].

«В 30-е годы интеллектуал-социалист Герберт Уэллс призывал к созданию «либерального фашизма», который он представлял как тоталитарное государство под управлением могущественной группы благожелательных экспертов».

Рональд Бейли, «Биология освобождения»

В своей речи, произнесенной в Оксфорде, в 1932 году Уэллс говорил, что «прогрессивисты должны стать «либеральными фашистами» и «просвещенными нацистами», введя в оборот еще один знакомый нашей стране «на собственной шкуре» термин – «либеральный фашизм». «Я хочу видеть либеральных фашистов, просвещенных нацистов», – сказал Уэллс [46].

В 1930 году вышел его четырехтомный труд под названием «Наука жизни» (The Science of Life). Вторая часть, которая писалась в соавторстве с Джулианом Хаксли и собственным сыном, посвящена космогонии и «теологическому» анализу старой веры, которая уже неубедительна, неосновательна и неискренняя, а концепцией новой мировой религии должен стать социал-дарвинизм Томаса Хаксли. На читателя была обрушена масса подробностей с одной целью – обосновать социальную направленность евгеники и контроля рождаемости в целях выведения высшей расы. Уэллс умер, не дописав третьей части, посвященной науке труда и просвещения – исследование «экономической и общественной организации, рассматриваемой как проблемы использования человеком лишней энергии для служения виду». В этой части Уэллс собирался описать то, что понимал под им же придуманным и популяризованным термином «Новый мировой порядок»: ликвидация национальных правительств и абсолютный контроль над рождаемостью. Репрезентером программы должна была стать «Оксфордская группа» вероятного сотрудника английских спецслужб – Фрэнка Бакмэна. В 1921 году он возглавит организацию «Моральное перевооружение», которая будет создана во время Вашингтонской международной конференции по контролю над вооружениями, где Англию представляли Герберт Уэллс и Артур Бальфур. Фрэнк Бакмэн не только встречался с Гиммлером, но последний вместе с Рудольфом Гессом станут членами общества «Моральное перевооружение» [36].

Отношения Уэллса с США продолжатся, когда он станет частым гостем Рузвельта, которого он считал «наиболее эффективным из всех возможных инструментов для реализации нового мирового порядка». Собственно, еще Гувер не скрывал что идеи «Нового курса» «почерпнуты из колодца европейского фашизма или социализма», в неофициальной беседе это подтверждал и сам Рузвельт: «То, что мы делали в этой стране, по сути соответствовало тому, что делалось в России, и даже тому, что проводилось в жизнь в Германии под началом Гитлера. Но мы делали это упорядочение». В то время фашистский оттенок «Нового курса» Рузвельта трактовался в пользу президента [46][68].

Хотя Уэллс не дописал раздел «Науки жизни», касавшийся общественного устройства, кое-что ясно из его фантастической повести «Машина времени». В будущем, которое он видел, «человек разделится на два различных вида», это было двухэтажное человечество «дневной и ночной рас» в прямом смысле: «изысканные дети Верхнего Мира» – «эллои» и подземные «морлоки».

«...в искусственном подземном мире шла работа, необходимая для благосостояния дневной расы?.. В конце концов, на земной поверхности должны будут остаться только Имущие, наслаждающиеся в жизни исключительно удовольствиями и красотой, а под землей окажутся все Неимущие – рабочие, приспособившиеся к подземным условиям труда. А раз очутившись там, они, без сомнения, должны будут платить Имущим дань за вентиляцию своих жилищ. Если они откажутся от этого, то умрут с голода или задохнутся. Неприспособленные или непокорные вымрут. Мало-помалу, при установившемся равновесии такого порядка вещей, выжившие Неимущие сделаются такими же счастливыми на свой собственный лад, как и жители Верхнего Мира»

Герберт Уэллс, «Машина времени»

В своем исследовании английских корней немецкого фашизма М. Саркисянц обращает внимание, что «ведь именно в Англии общество не в последнюю очередь рассчитывало на то, что фашизм оградит собственников от угрозы со стороны неимущих, заставит «отдельного человека [из низших классов] признать «верховенство государства», заставит признать «общность братьев по расе», а также окончательно закрепит систему подчинения и найдет новые средства для укрепления старого – чтобы удержать бедняков на своем месте». – И далее: «Это был «социализм» как «преддверие отделения новой расы господ от расы скотов». Ведь «нынешние массы – предварительная форма той самой породы людей, которую Гитлер назвал выродившейся» [01].

Чтобы фантастические морлоки не казались беспредметной фантазией, достаточно вспомнить вотчину члена общества «Моральное перевооружение» Генриха Гиммлера: в подземных помещениях филиала Бухенвальда «Дора» изготавливались самолеты-снаряды «Фау» [81]. В феврале 1944 года он получил от Геринга телеграмму, содержащую такие строки «Я хотел бы просить, чтобы Вы послали в мое распоряжение в максимально возможном количестве заключенных из концлагерей... Мероприятия по переводу производства под землю сделались категорически обязательными» [48]. На подземном заводе в Пенемюнде рабочая смена продолжалась 18 часов, аккуратные штабеля трупов складировались в конце рабочего дня, так как подобный темп военнопленные выдерживали два-три месяца [49].

«Фашизм, представлявший до сих пор плохо замаскированное смешение всевозможных, трудно сочетаемых лоскутьев и отбросов корпоративизма, цезаризма, бонапартизма, монархизма, военной диктатуры и даже теократизма (в католических странах), нашел здесь, наконец, свою безукоризненно соответствующую фундаментальную форму государства – олигархический деспотизм».

Генри Эрнст, «Гитлер против СССР», 1936 г.

С 1911 года в Лондоне работал Первый Интернациональный Евгенический Конгресс, заседание 500 его членов проходило под председательством сына Чарльза Дарвина. Готовил его выходец из немецких евреев Густав Шпиллер, в то же время работавший на кайзеровскую разведку. Во главе элитарного Евгенического общества в 1912 году находился Артур Бальфур, а вице-президентом Евгенического Конгресса являлся первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль, считавший что «умножение душевнобольных» было бы «очень опасной угрозой для расы» [32][50][65]:

«Ненормально ускоряющийся рост класса слабоумных и безумных в совокупности с постоянным ограничением экономных, активных и лучших

резервов представляет национальную и расовую опасность, которую невозможно преувеличить... Мне кажется, что источник, питающий поток безумия, должен быть отрезан и запечатан до истечения этого года». [78]

Уинстон Черчилль лорду Асквиту (Asquith), 1910 г.

Стараниями Черчилля Англия стала бы первой страной, стерилизующей умственно неполноценных и запрещающей браки между ними, но против Mental Deficiency Bill выступил дальний родственник семейства Дарвина Джошуа Веджвуд (Josiah Wedgwood) с обвинениями в попытках «разводить рабочий класс, как если бы они были скотами». Две ночи, питаясь для поддержания сил шоколадом, Веджвуд составлял 200 поправок к биллю и после его выступления Евгеническое общество было вынуждено пойти другим путем, создав соответствующий комитет под руководством сэра Лоренса Брока (Laurence Brock) при Департаменте здоровья (Department of Health) [65].

Лекции по евгенике читал Фредерик Линдеманн (Lindemann), ближайший друг и постоянный советник будущего премьер-министра Черчилля, он же, лорд Черуэлл (Cherwell). Несмотря на декларируемую доктрину расовой чистоты у самого Линдемманна было крайне смешанное происхождение: он родился в Германии, но в семье американских банкиров, учился в Шотландии [51] и был евреем [54]. В своих лекциях Линдеманн считал, что различия между людьми очевидны и должны быть усилены с помощью науки: «У нижней расовой и классовой части спектра возможно удалить способность испытывать страдания и амбиции...» [51].

Его руками был спровоцирован голод в Индии летом 1943 года, когда вице-король Индии, в связи со сложной ситуацией с продовольствием запросил 500 тонн пшеницы, которые было возможно доставить из Австралии [52]. Однако Линдеманн убедил Черчилля не предоставлять транспорт для снабжения Индии продовольствием. В результате продовольственные резервы Великобритании в 1943 году выросли до 18,5 млн. тонн, а в британских колониях в районе Индийского океана и Африки разразился голод [51], унесший жизнь по меньшей мере трех миллионов человек [53]. Вряд ли Линдеманну пришлось долго уговаривать своего патрона, назвавшего помощь голодающим Бенгалии «манной на индусов, размножающихся как кролики и получающих миллион в день от нас, не делая ничего для нас на войне», считая получателей помощи «звериным народом со звериной религией» [77]. Хотя, по воспоминаниям лидера Лейбористской партии Клемента Эттли, Черчилль рыдал, рассказывая о положении евреев в Германии [75], сложно говорить об истинном отношении к ним Черчилля. В своей книге Борис Брин приводит следующее высказывание премьер-министра: «Спассти евреев на оккупированных территориях будет сложно, да и не очень нужно, так как они не представляют какой-либо ценности для Великобритании» [56]. Подобное циничное отношение было свойственно Черчиллю и по отношению к другим этносам, по свидетельству профессора международных отношений иерусалимского Hebrew University Нормана Роуза (Norman Rose), индусов он описывал как «расу, чья неполноценность защищена лишь уклонением от надлежащих законов». Согласно статье «Executive Intelligence Review» от мая 1994 года, у Черчилля было уничижительное название для итальянцев, китайцев, египтян, последних в письме Энтони Идену в 1952 году он назвал «наиболее низко деградировавшими дикарями» [76].

Результатом Евгенического конгресса стала «Лига ассоциации свободных наций». Организована она была главой английского отделения фабианского общества все тем же фантастом Гербертом Уэллсом при поддержке двух членов влиятельной организации «Круглый стол» – франкмасона Лионела Куртиса и лорда Эдварда Грея [47]. Близкой к фабианским кругам была ученица З. Фрейда – Эмма Гольдман, она же наставница Маргарет Зангер – любовницы, по мнению американского ведущего Алекса Джонса, Герберта Уэллса, а также

основательницы «Лиги контроля над рождаемостью», консультантом которой являлся Эрнст Рудин, автор гитлеровской системной программы медицинской евгеники. Он был уроженцем Швейцарии и с 1925 по 1928 занимал должность профессора в Базеле, изучая психиатрию и наследственность [55].

Таким образом, дарвинистская теория вольно или невольно послужила обоснованием экспансионной стратегии, закрепленной в 22 статье Устава **Лиги Наций**: *«Следующие принципы применяются к колониям и территориям... которые населены народами, еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира... Лучший метод практически провести этот принцип – это доверить опеку над этими народами передовым нациям»*. Лидер британских фашистов Освальд Мосли планировал использовать Лигу Наций, как инструмент, с помощью которого «в международных делах, как и во внутренних, должен быть установлен принцип власти», где «малые нации получают эффективное представительство в этом механизме», чтобы «...мирно и рационально обсуждать **распределение сырья и рынков**» [10].

«В европейских делах эта «трехблочная» группа «Круглого стола» формировала политику «умиротворения» Гитлера. Они стремились усилить Германию по отношению к Франции и СССР как противовес первой и «буфер» против последнего. Такая «трехблочная система», по их мнению, удерживала бы Германию от войны. Это был бы своего рода новый «баланс сил» в Европе, развязывавший руки англосаксам для построения своей «мировой федерации».

А. Баумгартен, «Третья Барбаросса»

Британский фашизм против СССР

«...британские поджигатели войны направляют все время взоры туда, откуда они пытались начать войну: на Советский Союз... Что касается борьбы на Востоке, дуче, то она определенно будет тяжелой. Но я ни на секунду не сомневаюсь в крупном успехе. Прежде всего, я надеюсь, что нам в результате удастся обеспечить на длительное время на Украине общую продовольственную базу. Она послужит для нас поставщиком тех ресурсов, которые, возможно, потребуются нам в будущем» [60].

Из письма А. Гитлера его высочеству главе королевского итальянского правительства Бенито Муссолини от 21 июня 1941 года

Возвращаясь к теме потерянных Лондонским клубом «сырья и рынков» после закрытия концессий, которыми распоряжались близкие Лондонскому клубу мировые игроки, необходимо отметить, что, придя к власти, Гитлер сразу отказывается от совместных с СССР военных школ, устроенных согласно Рапалльскому договору.

Уже в апреле 1933 года, а также 10 августа и 1 ноября 1934 года были подписаны англо-германские соглашения: об угле, валютные, торговое, платежное и т. д. [1], притом, что денонсировано англо-советское торговое соглашение 1930 года [2]. На 70 % немецкая промышленность зависела от экспортной меди, поставлявшейся Англией из Южной Африки, Канады, Чили, Бельгийского Конго. 50 % потребляемого Германией никеля ввозил концерн Farbenindustrie, остальные 50 % покрывались английскими фирмами [3].

После того, как в феврале 1935 года Гитлер односторонним решением разорвал военные статьи Версальского договора, в июне появилось англо-германское морское соглашение, дававшее Германии право на 35 % тоннажа военно-морского флота Великобритании и равный с нею подводный флот. Как пишет посол И. Майский: «Официозные комментарии не оставляли сомнения в том, что важнейшим мотивом для заключения такого соглашения было стремление Англии обеспечить Германии господство на Балтийском море против СССР» [2]. Обладая патентами во всех областях изобретений, связанных с подводными лодками, английский концерн Vickers-Armstrongs имел прямое отношение к строительству германского подводного флота. Подводные мины и заряды могли быть изготовлены только с согласия этой фирмы, владевшей долями во многих немецких предприятиях, включая I.G. Farben. Значительной немецкой собственностью обладала английская фирма Babcock and Wilcox, второй по величине шинный завод в Германии принадлежал Dunlop Rubber. Поставки снарядов для морской артиллерии осуществляла английская Hadfield's Limited [3] [4]. Кожаная немецкая военная летная униформа была «сфотографирована» с английской, эксперт Bristol Aeroplane Company Рой Федден (Roy Fedden) инспектировал подконтрольные Герингу заводы [5]. Начинаются поставки в Германию авиационных моторов английскими фирмами Armstrong Siddeley и Rolls-Royce Motor [6], продавшей лицензию одного из своих моторов Bayerische Motorenwerke [3]. Именно на встрече в Лондоне Август фон Книрим, Герман Шмиц и Карл Краух договорились о займе авиационного топлива у Ethyl Export Corporations на сумму 20 млн. долларов [68]. Об инвестициях в военную машину Третьего рейха помощник начальника Второго главка КГБ СССР, доктор философских и кандидат исторических наук Станислав Лекарев отзывался так: «...и Черчилль там был замазан, и он что-то финансировал в Германии, получая свою выгоду, но об этом пока документы не открыты» [7]. Двоюродная сестра жены Черчилля Юнити Митфорд, член британского «Союза фашистов», по докладу директора MI-5 Гая Лидделла «поддерживала тесные и,

вероятно, интимные контакты с фюрером». Ее сестра Диана, которой Черчилль приходился двоюродным дядей и к которой был с детства близок, была замужем за лидером британских фашистов Освальдом Мосли [70], так что «выходы» на Третий рейх у Черчилля были. В те годы The Manchester Guardian подбадривала: *«Красная армия находится в совершенно отчаянном состоянии... Советский Союз не может вести победоносную войну...»*.

В начале 1936 года идею нападения на СССР Гитлер озвучивал лорду Лондондерри и Арнольду Тойнби: *«Германия и Япония могли сообща... напасть с двух сторон на Советский Союз и разгромить его. Таким образом, они освободили бы не только Британскую империю от острой угрозы, но и существующий порядок, старую Европу от ее самого заклятого врага и, кроме того, обеспечили бы себе необходимое «жизненное пространство» [8]*. Под такие разговоры ему и выкраивали необходимое жизненное пространство в Европе: получение Саарского угольного бассейна было улажено Эрнстом Ханфштенгелем и сыном будущего премьер-министра Ренделлом Черчиллем [1]. На Нюрнбергском трибунале Ялмар Шахт возмущался: *«До заключения Мюнхенского пакта Гитлер не осмеливался даже мечтать о включении Судетской области в империю... А затем эти глупцы, Даладье и Чемберлен, все преподнесли ему на золотом блюде» [8]*.

Лидер британских фашистов Освальд Мосли считал необходимым предоставить Германии и Италии возможность осуществить военную экспансию на восток, в направлении Советского Союза, который он считал главным врагом цивилизованного человечества [9]. Если Чемберлен основной держатель акций Imperial Chemical Industries [10], а финансирующий Освальда Мосли британский химический трест входит в группу I. G. Farben, то с этой линией британской политики все относительно понятно [1]. При этом, по воспоминаниям Я. Шахта, именно английская сторона, являвшаяся для него кредитором, напоминала правительству рейха: *«Колоний [заморских] у вас быть не может, но перед вами – Восточная Европа» [9]*.

«Премьер-министр консерваторов Невилл Чемберлен, например, считал, что Гитлера можно просто «развернуть»... Тогда Гитлер мог бы стать более разумным и управляемым. Некоторых консерваторов вообще очень мало заботили соображения о каких-либо пределах, если Гитлер желал насыщаться за счет Советского Союза. Очень открыто выразился по этому поводу один член парламента от консерваторов: «Пусть доблестная маленькая Германия обожрется... красными на Востоке». Майкл Карлей, «1939. Альянс, который не состоялся и приближение Второй мировой войны»

В марте 1939 года в Дюссельдорфе Федерация британской промышленности и немецкая Имперская группа промышленности подписали соглашение, предназначенное устранить «нездоровую конкуренцию» и «обеспечить как можно более тесное сотрудничество по всей промышленной системе их стран» [11]. Летом под видом участия в заседании китобойной комиссии сотрудник Геринга Х. Вольтат приступил к переговорам с советником Чемберлена Г. Вильсоном и министром торговли Р. Хадсоном [8] о разделе сфер влияния в мировом масштабе и об устранении «убийственной конкуренции на общих рынках». 21 июля 1939 года германский посол в Лондоне фон Дирксен докладывал, что программа, обсуждавшаяся Вольтатом и Вильсоном, охватывала политические, военные и экономические положения, обсуждался пакт о ненападении, пакт о невмешательстве, включающий в себя «разграничение жизненных пространств между великими державами». Летом 1939 года Ллойд Джордж во французской газете *Се soir* отметил, что *«Невилл Чемберлен, Галифакс и Джон Саймон не желают никакого соглашения с Россией»*. 3 сентября 1939 года фон Дирксен в своем донесении писал: *«Англия хочет посредством вооружений и приобретения союзников усилиться*

и поравняться с Осью, но в то же время она хочет попытаться путем переговоров прийти к любовному соглашению с Германией» [12].

«Настоящее английское правительство в качестве первого послевоенного кабинета сделало поиски компромисса с Германией одним из существеннейших пунктов своей программы; поэтому данное правительство по отношению к Германии проявляет такой максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков. Это правительство... приблизилось к пониманию наиболее существенных пунктов основных требований, выставляемых Германией в отношении отстранения Советского Союза от решения судеб Европы, отстранения Лиги Наций в этом же смысле, целесообразности двусторонних переговоров и договоров» [13]

Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в МИД Германии от 10 июня 1938 г.

Все это время Чемберлен упорствовал, что Россия, а не Германия представляет угрозу западной цивилизации, заявив в парламенте что *«скорее подаст в отставку, чем заключит союз с Советами»* [14]. Еще откровеннее был его личный секретарь сэр Артур Рукер: *«Коммунизм представляет сейчас огромную опасность, он опаснее, чем нацистская Германия...»* [15]. Неудача августовских англо-франко-советских переговоров по коллективной безопасности в Европе раскрыл секретарь Галифакса, объяснив, что они были *«просто уловкой... Это правительство никогда ни на что не согласится с Советской Россией»* [14]. Их имитация понадобилась для того, чтобы снизить нарастающее общественное давление, не только советские историки, но и Дэвид Ирвинг в книге «Война Черчилля» пишет о том, что после захвата Австрии протестующие англичане заполнили Park-lane скандируя: *«Chamberlain must go!»* [5].

Посол Франции в Германии Р. Кулондр в декабре 1938 года отмечал, что *«в военных кругах уже поговаривают о походе до Кавказа и Баку»* [13]. Командующий ВВС Франции в Сирии генерал Ж. Жюно считал, что *«исход будущей войны решится на Кавказе, а не на Западном фронте»* [14] и уже в сентябре, сразу после подписания советско-германского соглашения о ненападении в Генштабе Франции прозвучало предложение о нанесении бомбовых ударов по советским нефтяным месторождениям. Положение СССР осложнилось 30 ноября 1939 года, с началом Советско-финской войны, к конфликту стремились подключиться Англия и Франция. Еще в марте Чемберлен писал: *«У меня нет веры в способность России осуществить эффективное наступление»*, такого же мнения придерживались в своем докладе британские военные атташе в СССР, который представлялся им легкой добычей.

Примечательно, что в перехваченном агентурным путем докладе английского посла в СССР Криппса на имя Идена от сентября 1941 года относительно Финской войны будет сказано: *«...обнаружение ее [Красной армии] неэффективности... дало русским возможность начать под руководством маршала Тимошенко тщательную реорганизацию своей армии, приводящую к таким ценным результатам в настоящей войне с Германией. Сомнительно, чтобы без неудачного финского эксперимента такая реорганизация была бы предпринята вообще, а это означало бы, что к данному времени СССР был бы уже разгромлен»* [16].

«С самого начала 1939 года советское правительство старалось заключить договор с Финляндией, чтобы обеспечить безопасность Ленинграда и улучшить обстановку на Балтийском море. Финская граница проходила всего в двадцати милях от города, вполне в пределах досягаемости дальноточных орудий. Финское правительство... упорно не

соглашалось на советские требования об обмене территорий, прилегающих к Ленинграду, на гораздо менее привлекательные по своей восточной границе. Обстановка на переговорах по этим вопросам и вовсе накалилась, после того как в октябре 1939 года финны мобилизовали свою армию и высказали полное пренебрежение к требованиям Москвы. Молотов интерпретировал эти акты как провокацию, и даже некоторые чиновники британского Форин Офиса находили поведение финнов «вызывающим». М. Карлей, «1939. Альянс, который не состоялся и приближение Второй мировой войны»

Это уже позже английский историк Э. Хьюз напишет: «...экспедиции в Финляндию не поддаются разумному анализу. Провоцирование Англией и Францией войны с Советской Россией в то время, когда они уже находились в войне с Германией, представляется продуктом сумасшедшего дома» [8][19][20], а в то время идея, придуманная Черчиллем и военным министром Иденом [74], казалась им настолько удачной, что если бы Швеция не отказалась пропустить их войска через свою территорию, Франция и Англия оказались бы втянутыми в войну против Советского Союза [21], который планировалось взять «в клещи» одновременным ударом с юга:

«Однако эта странная война против гитлеровской Германии сопровождалась отнюдь не странными военными приготовлениями против Советского Союза. На Ближнем Востоке, под командованием генерала Вейгана, формировалась большая англо-французская армия, предназначенная для нападения на советские земли. Туда посылались все новые и новые транспорты вооружения, которого не хватало союзным армиям в Европе, свежие войска. Штаб Вейгана лихорадочно разрабатывал план захвата с помощью Турции советского Кавказа. В Европе в феврале 1940 года союзный военный совет, собравшись в Версале, поспешно вынес решение послать англо-французский экспедиционный корпус в Финляндию для войны против Советского Союза».

Д. Краминов, «Правда о втором фронте»

31 октября 1939 года министр снабжения Великобритании составил для министра иностранных дел документ, в котором подчеркивалась «уязвимость советских нефтяных источников – Баку, Майкопа и Грозного»: «Если уничтожить русские нефтепромыслы... нефти лишится не только Россия, но и любой союзник России, который надеется получить ее у этой страны» [20][14].

Сотрудник британского Foreign Office Фицрой Маклин (Fitzroy Maclean) в октябре 1939 года составляет «Меморандум относительно Советской угрозы интересам Британии на Ближнем Востоке», основная мысль которого сводиться к тому, чтобы «поднять знамя восстания везде, где только можно» для чего «вызывать к еще сохранившимся религиозным чувствам и искать опору в горькой ненависти, которую нынешний режим неизбежно должен вызывать во многих слоях населения». Дестабилизации должны подвергнуться «оккупированные русскими» районы Закавказья и Средней Азии, а также Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана с помощью «аборигенов пограничных районов Афганистана и Ирана, которые практически не отличаются от соответствующих племен по советскую сторону границы», для чего на границе с СССР должны разместиться базы для подрывных операций. Центральным звеном его плана, ставшим основой операции «Pike», согласно которой тяжелые бомбардировщики с базы в Египте должны были в течении недели уничтожить всю нефтяную структуру Баку и Грозного, после чего, убеждал Маклин, Советы не продержатся и месяц [22].

24 января 1940 года начальник генерального штаба Великобритании генерал Э. Айронсайд представил военному кабинету меморандум «Главная стратегия войны», где указывал следующее: *«На мой взгляд, мы сможем оказывать эффективную помощь Финляндии лишь в том случае, если атакуем Россию по возможности с большего количества направлений и, что особенно важно, нанесем удар по Баку – району добычи нефти, чтобы вызвать серьезный государственный кризис в России»* [14], тогда же английское посольство в Москве сообщило в Лондон, что *«акция на Кавказе может поставить Россию на колени в кратчайшие сроки»*. Иранский министр обороны А. Нахджаван выразил *«готовность пожертвовать половину бомбардировочной авиации Ирана ради разрушения или повреждения Баку»* [20]. 8 марта английский комитет начальников штабов представил правительству доклад под названием «Последствия военных действий против России в 1940 г.» Канадский историк М. Карлей признает, что *«советская нефть мало что значила для Германии»*, а значит, разрушение советских нефтяных источников не могло быть направлено против Германии, как это описывают современные английские историки. О причинах сказал 30 марта на заседании Верховного Совета СССР В. Молотов: *«Враждебные акты в отношении Советского Союза со стороны Англии и Франции объясняются не торговлей СССР с Германией, а тем, что у англо-французских правящих кругов сорвались расчеты насчет использования нашей страны в войне против Германии...»* [14]. Более того, мемуары греческого премьер-министра генерала Метаксаса содержат информацию о «Южном плане», предусматривающем вовлечение в войну с СССР Турции и Греции [23].

«Германское консульство, Женева, 8 января 1940 г. К № 62.

...Англия намерена нанести внезапный удар не только по русским нефтяным районам, но и попытается одновременно лишить Германию на Балканах румынских нефтяных источников. Агент во Франции сообщает, что англичане планируют через группу Троцкого во Франции установить связь с людьми Троцкого в самой России и попытаться организовать путч против Сталина. Эти попытки переворота должны рассматриваться как находящиеся в тесной связи с намерением англичан прибрать к рукам русские нефтяные источники» [24].

Крауэль»

Несмотря на подписание 12 марта 1940 г советско-финского мирного договора, после чего повод напасть на СССР с целью остановить агрессию против «маленького миролюбивого государства» уже становился несостоятельным, 30 марта английская авиация произвела разведку районов Батуми и Поти, где находились нефтеперегонные заводы. Первая бомбардировка Баку была назначена на 15 мая [14]. К картине общей критической ситуации нужно добавить и угрозу со стороны Японии, заключившей в 1939 году англо-японское соглашение, ставшее «Дальневосточным Мюнхеном», логическое развитие которого предполагало для СССР войну на два фронта [16].

Однако 13 мая 1940 года генералы вермахта перешли от «сидячей войны» (Sitzkrieg) к «молниеносной» (Blitzkrieg), танковая группа генерала Клейста, форсировав реку Маас, устремилась к побережью Ла-Манша, оказавшись возле него в ночь на 20 мая. «Союзников» не спасло даже предупреждение о наступлении, своевременно переданное им адмиралом Канарисом. 22 мая немецкие танки были на расстоянии 15 км от Дюнкерка, единственного крупного порта на побережье, взятие которого лишили бы отступавшие английские и французские войска возможности эвакуации, но 24 мая Гитлер отдал свой загадочный «стоп-приказ» (Halt Befehl), удивительно, но ему предшествовал такой же приказ со стороны командующего британскими экспедиционными силами Джона Стендиша Горта [25][26]. Благодаря этим приказам из попавших в окружение 1 миллиона 300 тысяч англичан удалось эвакуи-

ровать около 370 тысяч в основном военнослужащих английской армии. Основной ущерб понесла Франция, ее главнокомандующий Вейган констатировал: *«Три четверти, если не четыре пятых нашего наиболее современного вооружения было захвачено»* [27]. 19 июля 1940 года Гитлер выступил с речью в «Kroll Opera House»: *«Думаю, что, не делая поблажек побежденным, могу сказать, что победа выступает от имени обоснованности, и я не вижу обоснований, чтобы эта война продолжалась. Мне горько думать о возможных жертвах и мне хотелось бы их избежать»*. Далее фюрер заявил о готовности, соблюдая все дипломатические процедуры, вывести войска из всех стран, кроме областей, исторически бывших немецкими [28].

Ситуация складывалась так, что в октябре 1940 года Риббентроп позволил себе поддеть Сталина: *«...советский нефтяной центр в Баку и нефтепорт в Батуми, несомненно, уже в этом году сделались бы жертвой британских покушений, если бы разгром Франции и изгнание английской армии из Европы не сломили бы английский дух нападения как таковой и не положили бы внезапный конец всем этим махинациям»* [14].

К анализу ситуации необходимо добавить, что потребность СССР в импорте промышленного оборудования снизилась с 81 % в 1928 г. до 17,8 % в 1931 г. [82], в целом она всё-таки сохранялась. Официальный запрос советской делегации в Германии констатировал: *«Нашей задачей является получить от Германии новейшие усовершенствованные образцы вооружения и оборудования, Старые типы покупать не будем. Германское правительство должно показать нам все новое, что есть в области вооружения, и пока мы не убедимся в этом, мы не сможем дать согласия на эти заявки»* [8]. 19 августа 1939 года было заключено кредитно-торговое соглашение о кредитовании Die Deutsche Golddiskontbank советских заказов, по которому Германия поставляла в СССР оборудование и материалы на сумму 129 млн. марок, а Советский Союз товары двумя партиями по 90 млн. марок в год. Кредит с первым траншем в 120 млн. в год выдавался на 7 лет под векселя торгового представительства СССР в Die Deutsche Golddiskontbank [65], также кредитовались советские заказы, выполняемые в обмен на поставки сырья и продовольствия – 200 млн. марок, под 4,5 %, на 7 лет [8]. Обмен был взаимовыгодным, ведь уже 20 сентября в связи с военной операцией в Польше в Германии была снова введена карточная система [69]. В дальнейшем были заключены хозяйственные соглашения от 11 февраля 1940 г. и 10 января 1941 г. и еще шесть торговых соглашений [8].

Контракт между СССР и Германией, подписанный 11 февраля 1940 года, включал в себя поставки чертежей и образцов новейших немецких боевых самолетов, танков, артиллерийских систем и средств связи, химического оборудования и технологической документации для налаживания производства синтетических материалов, изготовления инструментальной и высокопрочной стали, брони, средств автоматизации и управления, «образцы и рецептуру беспламенных и бездымных, аммиачных... взрывчатых веществ». Кроме того, все виды станков по металлообработке, все виды прессов и кранов, установки Фишера для получения жидкого горючего из угля, генераторы Винклера и колонки высокого давления для азота, буксиры, плавучие судоремонтные мастерские, измерительные и оптические приборы, печатные машины и двигатели внутреннего сгорания, бумагообрабатывающие машины, станки обувной и кожевенной промышленности. Всего на сумму 320 млн. рейхсмарок, из которых 167 млн. составляли станки и оборудование для тяжелой промышленности, 16,6 млн. приборы и оборудование других отраслей, 14,5 млн. металл и металлоизделия, а 58,4 млн. вооружение. Как заметил Геринг: *«В списке имеются объекты, которые ни одно государство никогда не продаст другому, даже связанному с ним самой тесной дружбой»* [8][65].

Так получается, что именно немцы остановили франко-английскую агрессию против СССР, возможно как против важного торгово-промышленного партнера, соглашение с кото-

рым помогло обойти морскую блокаду Великобритании. А чтобы понять как буквально через год немецкие танки оказались под Москвой, необходимо вернуться в судьбоносный 1937 год, в конце которого Политбюро принимает окончательное решение об упразднении Государственной комиссии по концессиям [6].

«Компромисс и взаимное заигрывание между Ротшильдами и СССР в 1933–1937 гг., завершился в 1937 г. Сигналом завершения стал приход к власти в ноябре 1937 г., в Англии правоконсервативного правительства Чемберлена», – пишет научный сотрудник отдела истории ВОВ К. Колонтаев [29]. Отражением прекращения отношений с Ротшильдами становится тот факт, что в тот же год советский рубль жестко привязывается к американскому доллару, создавая сферу взаимного интереса СССР и США [30]. Несмотря на то, что 23 мая 1937 года умер основатель клана и Standard Oil Джон Рокфеллер, руководством страны выбран долларový стандарт вместо золотого, а в качестве ориентации выбрана американская элита вместо английской.

Тогда же, в 1937 году к 10 годам приговорен Григорий Яковлевич Сокольников, или, как его звали на самом деле, Гирш Янкелевич Бриллиант, который, будучи наркомом финансов СССР, ввел 25 %-ное обеспечение рубля золотом и воспринимал советскую экономику как часть мирового хозяйства (позднее работал в Лондоне полпредом [31]). *«Я хочу сказать, что здесь тов. Сокольников выступает, по сути дела, сторонником дауэсизации нашей страны...»*, – заметил И. Сталин на XIV съезде Коммунистической партии в 1925 году по поводу желания Сокольникова наполнить рынок иностранными товарами [66].

В 37 году стартовал процесс, с легкой руки сотрудника британского Foreign Office Р. Конквеста названный «Большим террором» [32][33], в ходе которого, к примеру, был расстрелян, маршал М. Тухачевский, всего за год до этого вернувшийся из Лондона с похорон короля Георга V [34]. По утверждению участника французского сопротивления, сотрудника французской разведки Пьера де Вильмаре: *«Михаил Тухачевский, верховный главнокомандующий после Сталина, подстрекал к заговору для свержения диктатора»*. Кстати, находясь в немецком плену в Первую мировую войну, Тухачевский не только был посвящен в «Орден Полярных» [35], но и познакомился с Шарлем де Голлем [36], разговор об агентурных связях которого еще впереди. Но основное для понимания ситуации событие произошло в Германии:

«Новое положение о немецких банках, появившееся в 1937 году, устраняло... независимость государственного банка и ликвидировало полномочия Базельского международного банка распоряжаться внутренними делами немецких банков. ...все ограничения, наложенные на эмиссионный банк в вопросах предоставления государственного кредита, были сняты только законом о государственном банке, изданном 15 июня 1939 года» [37].

Министр финансов в отставке Лутц граф Шверин фон Крозигк, «Как финансировалась Вторая мировая война»

Последствия такого шага не замедлили сказаться: уже в следующем году, когда Морис Баво предпринимает первое неудачное покушение на фюрера [38], одновременно Георгом Эльзером начата подготовка ко второму, также неудачно осуществленному осенью 1939-го [30].

Попытка финансовой независимости для Третьего рейха, это вызов Гитлера тем, кто его вывел на политическую арену, и понимание этого могло заставить фюрера искать себе союзников, которых в той обстановки найти было не так-то просто. Вряд ли владельцы Федеральной Резервной Системы могли рассматривать в качестве партнера того, чей министр

экономики В. Функ заявлял, что *«платить долги Америке следует... Другое дело, сколько мы выплатим американцам»*. Однако до определенного момента фюрер был им нужен.

«Началось все с попыток Великобритании, прежде всего Ротшильдов, вернуть власть над США, уже не политическую, а в финансовом плане... По поводу Первой и Второй мировых войн можно сказать, что противостояние Рокфеллеров и Ротшильдов было очень важной составляющей этих войн» [51].

А. Фурсов, «Итоги столетия ФРС – развал Российской империи, разрушение СССР и начало новой войны»

Британский финансовый клуб с Ротшильдами во главе, организовав кризис долларовой системы начала 30-х годов, сорвали планы финансовых кругов, относящихся к Федеральной Резервной Системе по контролю над Европой. Теперь же *«организованная военная машина с полудюжиной американских гангстеров во главе»*, как называл гитлеровскую Германию Черчилль, расчищала Европу от влияния ротшильдовского финансового клуба, при этом изымались активы и форматировалась европейская элита.

Чтобы вернуть золотоносные и прочие концессии в СССР, британский клуб финансировал «железный кулак» Третьего рейха, который ударил по нему же. Британский историк Д. Ирвинг называет Прагу, Вену и Лондон – европейскими офисами, вдохновлявшими alter ego антинацистского комитета [5], при этом все перечисленные столицы – это исторически сложившиеся центры финансовой империи Ротшильдов.

В марте 1938 года под руководством Геринга происходит аншлюс Австрии [29], где располагался сталелитейный завод Эмиля фон Скода, усилиями Bohemian Discount Bank ставший в 1900 году акционерным обществом и связанный с австрийским заводом моторов Daimler, который в свое время также возглавлял Эмиль фон Скода. Вторым важным военно-промышленным активом Австрии был сталелитейный комбинат Vítkovice, входящий в синдикат, головной офис которого располагался в Лондоне [39]. Из австрийских музеев были отобраны 1695 особо ценных произведения искусства, в том числе 88 картин из собраний Луиса и Альфонса фон Ротшильдов [65].

Через год установлен контроль над Чехословакией, в виде трофеев давший 1582 самолета, 2676 артиллерийских орудий, 469 танков, 43000 пулеметов, 1 миллион винтовок, гигантские запасы боеприпасов и различного военного снаряжения [73]. Информационная поддержка аншлюса была организована высокопоставленными сотрудниками I.G. Farben Георгом фон Шницлером, курировавшим прогерманские газеты в Чехословакии и Максом Илгнером [40]. На суде бывший рейхсмаршал Геринг вспоминал: *«...я получил письмо от Гитлера, с извещением, что Чехословакия становится невыносимой угрозой и что он решил ее ликвидировать» [41]*, то есть пришла очередь ликвидации следующей опорной точки лондонского клуба в Европе. Следует отметить, что в 1938 году президент Чехословакии Бенеш обращался через резидента советских спецслужб в Праге Зубова к Сталину за финансированием переворота, направленного против югославского правительства Милана Стоядиновича, чтобы установить проанглийский военный режим, который якобы ослабит давление на Чехословакию [42]. Хотя, чешские активы Ротшильдов были срочно переведены под английскую юрисдикцию, контроль над чехословацким золотым запасом был потерян. В стенограмме беседы советника посольства Германии Т. Кордта с советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном говорится, что *«Чехословакия – препятствие для Drang nach Osten. Оккупация Германией Богемии и Моравии привела бы к весьма значительному увеличению германского военного потенциала»*. Тут-то и произошло событие, наиболее точное описание которому дал итальянский исследователь Гвидо Джакомо Препарата: *«Британии пришлось «раздвоиться», так сказать, на антинацистскую и*

пронацистскую фракции, причем обе были составными частями одного и того же жульничества...». Усилиями одной из таких составных частей 30 сентября 1938 года появляется «пакт Гитлера-Чемберлена»:

«Мы, германский фюрер и канцлер и английский премьер-министр... пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы. Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и англо-германское морское соглашение как символизирующие желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом. Мы приняли твердое решение... продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе» [13].

Адольф Гитлер, Невилл Чемберлен

Так часть пронемецкой элиты Британии последовательно гнула свою линию, как указывал в донесении Дирксен: «Чемберлен в качестве основной цели своей деятельности поставил достижение соглашения с авторитарными государствами, помимо Лиги Наций...» [13], более того Н. Чемберлен предупреждает, что Великобритания не окажет помощи Чехословакии, а также не поддержит Францию, если та примет решение оказать такую помощь самостоятельно [17].

Если одну фракцию представлял Чемберлен, то вторую Черчилль. Во время прощального ужина у Риббентропа, которому Черчилль с надеждой «прошептал»: «Надеюсь, Англия и Германия сохраняют свою дружбу», Чемберлен показательно дождался, когда чета Черчиллей оставит его с немецким министром иностранных дел для продолжения беседы наедине [5]. Заметим, что Иоахим фон Риббентроп до Первой мировой жил в Северной Америке, работая журналистом в Нью-Йорке и Бостоне [43].

Это разделение британской элиты будет очевиднее, если учесть, что, по воспоминаниям помощника Чемберлена Киркпатрика, прилетевший Гесс предпочитал не вести переговоров с премьер-министром Англии: «Черчилль и его сотрудники – это не те люди, с которыми мог бы вести переговоры фюрер» [44].

В то время если прогерманская часть британской прессы клеймила Чехословакию как расистское государство, чье отношение к немецкоязычному населению не потерпит цивилизованный мир и прежде всего сама Великобритания [17], то действия другой ее половины посол Дирксен описывал так: «... анилюс Австрии глубочайшим образом затронул политическое вероисповедание англичан. Снова ожили старые фразы о праве на существование малых народов, о демократии, о Лиге Наций, о бронированном кулаке милитаризма... **укрепилось политическое решение воспрепятствовать, даже ценой войны, дальнейшим попыткам изменения соотношения сил на континенте без предварительного соглашения с Англией.** Это решение впервые было высказано в период чешского кризиса...» [13].

В августе 1938 года в Лондоне активно идут переговоры с представителем немецкой оппозиции Эвальдом фон Клейстом, обещавшим Черчиллю, что если Англия даст отпор Гитлеру, то оппозиция решится на государственный переворот [45]. 6 ноября Гитлер в своей речи в Веймаре комментировал закулисные переговоры: «Мистер Черчилль открыто провозгласил, что, по его мнению, нынешний режим в Германии должен быть уничтожен в сотрудничестве с внутренними силами в Германии, любезно предложившими себя в его распоряжение... Я могу только уверить этого джентльмена, что в Германии нет такой силы, которая готова действовать против нынешнего режима» [72].

Проигрывая Чехословакию, Лондон пытался инициировать один из основных принципов своей политики: укрупнять подконтрольные территории и наоборот разукрупнять территории, контроль над которыми теряется. На европейской шахматной доске последовал

ход, о котором упомянул А. Фурсов в работе «Психоисторическая война»: *«Возмущенные британцы решили загнать фюрера в стойло с помощью Польши, которой было приказано потребовать у Гитлера Словакию в качестве протектората. Но Гитлера это не испугало, он выставил Польше контрпретензии по Данцигу»* [17].

С февраля 1939 года польский Генштаб разрабатывает операцию «Запад», к 1 сентября на западной границе сосредоточены 25 пехотных дивизий и еще 20 на ближних подступах [69]. Сосредоточив войска, 21 сентября 1938 года Польша предъявила Чехословакии ультиматум о «возвращении» ей Тешинской области, а в ночь на 26-е поляки совершили налет на станцию Фриштат. Польские самолеты ежедневно нарушали чехословацкую границу [67].

1 октября 1938 года представитель СССР в Чехословакии С. Александровский телеграфировал в комиссариат иностранных дел СССР: *«Польша готовит... нападение с целью занятия Тешинской области силой. Ведется подготовка, чтобы возложить ответственность на Чехословакию, как нападающую сторону... В половине 12-го ночи 30 сентября польский посланник... передал ноту, в которой предъявляются ультимативно следующие требования. Уступить... три зоны, из которых первая должна быть передана в течение 24 часов, вторая – в следующие 24 часа, третья – через 6 дней... несмотря на то, что в мюнхенском соглашении Гитлер подписался под решением дать три месяца для урегулирования вопроса... если не будет достигнуто чешско-польское соглашение»* [13]. 24 октября Иоахим Риббентроп в беседе с польским послом Иосифом Липским предложил разработать польско-германскую стратегию по отношению к СССР [81].

«1. Правительство Польской Республики констатирует, что оно, благодаря занимаемой им позиции, парализовало возможность интервенции Советов в чешском вопросе в самом широком значении...»

3. Чехословацкую Республику мы считаем образованием искусственным... не отвечающим действительным потребностям и здоровым правам народов Центральной Европы... Мы относимся благосклонно к идее об общей границе с Венгрией, памятуя, что географическое расположение Ч [ехо]-с [ловацкой] Республики правильно рассматривалось как мост для России... западные державы могут пытаться придерживаться прежней концепции Чехословакии при частичных уступках в пользу Германии. 19 сего месяца мы выступили с возражениями против такого разрешения вопроса. Наши локальные требования мы ставим в категорической форме... с [его] м [есяца] мы будем располагать в южной части Силезии значительными военными силами» [13].

Из письма министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши в Германии Ю. Липскому, 19 сентября 1938 года

Относительно «интервенции Советов» английский исследователь Уильям Маккензи сложившуюся ситуацию охарактеризовал так: *«Это были, скорее, эмоции, нежели политика... Русские имели четкое представление об этой атмосфере и понимали: достичь сотрудничества на таких условиях совершенно невозможно»* [47]. Английский исследователь не уточняет, что за отказом предоставить польские аэродромы для советских военных самолетов для противостояния Германии стоял начальник британского генерального штаба Эдмунд Айронсайд, находящийся в Варшаве. Общий смысл задумки раскрывает польский посол в США граф Ежи Потоцкий: *«Желанием демократических государств было бы, чтобы там, на Востоке дело дошло до военного конфликта Германского рейха и России. Может случиться так, что Германия слишком удалится от своей базы и окажется*

обреченной на затяжную и ослабевающую ее войну. Только тогда демократические государства атаковали бы Германию, заставили ее капитулировать» [65].

6 августа 1939 года маршал Эдвард Рызд-Смиглы докладывает английской Daily Mail: *«Польша добивается войны с Германией, и Германия не сможет избежать ее, даже если захочет»*, уже 24 августа Польша сбивает два гражданских самолета компании Lufthansa [69]. Поэтому с поляками не получилось достичь сотрудничества и у Гитлера, хотя 30 августа им издан документ, содержащий 16 пунктов урегулирования немецко-польского конфликта без войны. Польша не только проигнорировала его получение, но в этот день в Кракове был убит немецкий консул Август Шиллингер [48]. Следом, 3 сентября, в результате «Бромбергского погрома» поляками убито около пяти тысяч мирных немецких граждан, объявленных «гитлеровскими диверсантами» [69].

Итогом польской политики, несмотря на то, что с января 1934 года между Германией и Польшей существовал договор о ненападении, стала необходимость формировать польское правительство в Лондоне [47]. Отметим, что военную операцию против Германии Польша начала готовить в ноябре 1937 года, а Германия против Польши – лишь в 1939-м, отношения бывших союзников стали ухудшаться в 1938 году [49], то есть и здесь точкой отсчета является 1937 год.

«Польша не была той невинной жертвой, какую из нее делают СМИ. Наиболее хранимым секретом является то, что подстрекаемая Великобританией Польша первой провела мобилизацию. Более того, Великобритания подбила Польшу пренебречь Версальским договором, блокировав вольный город Данциг и Польский коридор».
М. Уоли, «Сведение к варварству»

«Вольным городом» и ключевым портом для Германии, надо заметить, управляла Лига Наций [50]. На протяжении всего этого времени Гитлер верил в заключение договоренностей с британской группой Чемберлена даже после формального объявления войны, еще ранее, в августе заметив, что *«он, как и Англия, блефуют насчет войны»* [11]. Генерал Ф. Гальдер в мемуарах отметил слова Гитлера, что тот *«не обидится, если Англия будет делать вид, что ведет войну»*. Слова произнесены, видимо, в расчете на политическую победу партии Чемберлена.

Видимо, договоренности и привели к явлению, получившему название «странная война», когда переброшенные во Францию Британские экспедиционные силы с сентября 1939-го по февраль 1940 года просто бездействовали. Во время вторжения в Польшу французские войска на германской границе насчитывали 3253 тысячи человек, 17,5 тыс. орудий и минометов, 2850 танков и 1400 самолетов которым противостояли германские войска численностью 915 тысяч, имевших на вооружении 8640 минометов и орудий, 1359 самолетов и ни одного танка [8]. За 14 дней войны с Польшей немецкая бомбардировочная авиация истратила весь запас бомб [37]. *«Наши запасы снаряжения были до смешного ничтожны, и мы вылезли из беды единственно благодаря тому, что на западе не было боев»*, – признавал генерал Йодль, предположив, что наступление даже вполсилы привело бы Германию к поражению перед так называемыми «союзниками». С 3 по 27 сентября английские ВВС сбросили на немцев 18 миллионов листовок, обеспечив, по меткому замечанию маршала авиации А. Харриса *«потребности Европейского континента в туалетной бумаге на пять долгих лет войны»* [14].

Сотрудник пресс-бюро английского посольства в Лиссабоне Э. Н. Дзелепи писал: *«Еще до капитуляции Франции Чемберлен и его министр иностранных дел лорд Галифакс (два инициатора Мюнхенского соглашения) были готовы принять предложения Гитлера о мире с Англией, сделанные при посредничестве Муссолини. Переговоры происходили в Риме,*

и все было, по существу, предрешено», но «странная война» остановила этот процесс. Тогда можно предположить, что позади «странной войны» стояли группы, чьи интересы представлял Уинстон Черчилль.

Хотя Гитлер перевел баржи, пригодные для транспортировки 50 000 человек и вооружения из Остенде в Гавр [71], никакой реальной угрозы Англии силами одной Германии не существовало, при реализации операции «Морской лев» превосходство британского флота над немцами по линкорам и линейным крейсерам составляло 7 к 1, по крейсерам и эсминцам – 10 к 1, а авианосцев у немцев просто не было, а у англичан их имелось целых 7 [52]. М. Павлович писал еще в 1924 году: *«Война между Великобританией и Германией один на один, – ...невероятна... как война между «китом» и «слоном». Англия не может... уничтожить... немецкий военный флот, ибо последний, в случае нежелании принять бой, укроется под защиту береговых укреплений в Боркуме, Вильгельмсгафене и т. д. С другой стороны, можно ли говорить серьезно о высадке немецких войск в Англии... Целый ряд и немецких военных специалистов, как, например, полковник Редко, и французских, доказали полную химеричность этого плана, приписываемого немецкому штабу. Ведь только для того, чтобы перевезти армию в 70–80 тысяч человек с 30 батареями 6000 лошадей и всеми повозками, провиантом и грузом, необходимыми для такого большого отряда, понадобились бы все 328 судов Северо-германского Ллойда и Гамбург-Американской линии... Итак, война между Германией и Англией представляет собой поп сепс»* [43]. Вероятно, и в самой Англии хорошо себе представляли, что прямой угрозы Германия не представляет.

Для изменения расклада Германии катастрофически не хватало ресурсов, доступ к которым в 1939 году попытаются поставить под контроль, захватив ключевые поставки металла из Швеции, дававшей Германии 60 % чугуна и половину руды. Три четверти экспорта Швеции в 1933–1936 гг. уходило в Германию [3][46]. Поставки шли через норвежский порт Нарвик, соединенный железнодорожной веткой со шведскими месторождениями железной руды, что сделало его стратегически важным объектом [64]. Насколько важным, можно судить из воспоминаний генерального референта по особым вопросам в Имперском министерстве экономики (Reichswirtschaftsministerium) бригадефюрера СС Ганса Керля: *«В планировании использования сырьевых ресурсов «ведущим сырьем» было железо. Все остальные виды сырья... планировались в зависимости от количества железа... Поэтому распределение запасов железа стояло во время войны в центре всего хозяйственного планирования»* [37].

16 декабря 1939 года Черчилль предложил оккупировать Норвегию и Швецию, не обращая внимание на подписанные договоры: *«Высшим судьей является наша совесть. Мы боремся за то, чтобы восстановить господство закона и оградить свободу малых стран... Мы имеем право – более того, бог повелевает нам – временно отбросить условные положения законов, укрепить и восстановить которые мы стремимся. Малые страны не должны связывать нам руки, когда мы боремся за их права и свободы. Нельзя допустить, чтобы в час грозной опасности буква закона встала на пути тех, кто призван его защищать и осуществлять»* [53]. Букву закона переступили, оккупировав входящую в состав датского королевства Исландию. Невзирая на протесты территориального правительства Исландии на датскую территорию вошли английские войска, через год замененные американскими. Больше Исландия в состав Дании не вернулась. 12 апреля 1940 года в результате операции «Валентина» британские войска оккупировали датские Фарерские острова. 9 апреля 1940 года в Данию вошли немецкие войска [54].

Также Черчилль, по сути, спровоцировал ввод немецких войск в Норвегию. 7 мая 1940 в Палате Общин состоялись слушания, посвященные ситуации в этой стране [55], золотой запас которой был срочно эвакуирован, как и положено, в Великобританию, США и Канаду [56]. Северные операции привели к тому, что немецкое командование, потеряв несколько

эсминцев, уже подготовило приказ об оставлении порта Нарвик [57], к тому же 28 мая союзные и норвежские войска под руководством генерала Мэкези взяли порт и прижали гитлеровский гарнизон к шведской границе [58]. Однако, еще 8 мая, несмотря на то, что Чемберлен получает необходимый вотум доверия, в обход установленной процедуры Георг VI назначает премьер-министром Черчилля [55]. По утверждению Майкла Уолша (Michael Walsh) Черчилль стал премьер-министром благодаря интриге в Палате Общин, финансируемой еврейскими финансовыми кругами [28]. Именно Черчилль, учредив и заняв пост министра обороны, становится инициатором того, что *«может быть, было бы правильно после овладения Нарвиком оставить его»*, после чего командование союзников втайне от норвежцев приступило к эвакуации войск.

«До самой последней минуты, – говорится в книге о войне в Норвегии, – норвежцы возлагали все надежды на помощь Англии, о которой все время говорилось в радиопередачах из Лондона... Но когда эвакуация англичан из Норвегии стала фактом, то норвежцы восприняли это как тяжелый удар» [58]. Почему Англия, практически добившись контроля над стратегически важным для всей экономики Германии портом, снова подарила его Гитлеру, непонятно. Видимо, новые договоренности изменили расклад сил и поэтому детали совещаний в английском правительстве в мае-июле 1940 года закрыты по сей день [59].

«Уинстон Черчилль с начала войны, став первым лордом Адмиралтейства, твердил о необходимости занятия Нарвика даже ценой нарушения суверенитета Норвегии. Сдача Нарвика позволяет сделать вывод, что в тогдашнем английском правительстве, или, точнее, в надправительственной элите, были силы более могущественные нежели премьер и эти силы были заинтересованы в продолжении войны и перерастании ее из войны против Германии в войну мировую [26].»
 Документальный фильм «История России. XX век. К какой войне готовился Сталин»

Нарвик для Черчилля был лишь элементом давления, лишение поставок руды не только затрагивало интересы шведских Валленбергов, но и могло подтолкнуть Гитлера к поиску союзника и поставщика на Донбассе. Положение осложнилось после капитуляции Бельгии, подписанной Леопольдом III в мае 1940 года. Бельгийское правительство эмигрировало в Париж, а оттуда в Лондон. В отличие от королевы Нидерландов Вильгельмины или короля Норвегии Хокона VII, Леопольд III остался в Брюсселе, за что впоследствии ему далеко не сразу было возвращено право на престол [61][62].

Когда, по воспоминаниям американского посла Джозефа Кеннеди, Невилл Чемберлен утверждал *«что Англию принудили воевать Америка и мировое еврейство»*, то тот слишком узко смотрел на ситуацию. Как и друг Геринга, член совета Имперского союза промышленников, Джерри Дрюммон-Вольф, настаивавший, что войну развязали «евреи и левые» [18], вслед за ним и сам Геринг, считавший, что *«повсюду евреи выступают за начало новой войны... Америка предвидит возможность получения сверхприбыли»* [81] или популярный авиатор, первым пересекший Атлантику Чарльз Линдберг (Charles A. Lindbergh): «Позади войны в большей части находятся еврейские интересы, и они же контролируют большую часть прессы и радио и кинопроизводства» [28].

Пострадавшими от Второй мировой оказались в первую очередь именно Ротшильды, к примеру, после оккупации Франции, в конце 1939 года Эдуард Ротшильд перевел в канадский банк акции Royal Dutch, однако правительство Канады заблокировало их. Коллекция произведений искусств, большей частью принадлежащая Александрине и Эдуарду Ротшильду, была передана штабу Розенберга, где Отделом изобразительного искусства заведовал Роберт Штольц. Над вывозом ценностей из Парижа орудовал, подчиняющийся сек-

ретарю германского посольства в Париже штурмбанфюреру СС барону фон Кюнзбергу «особый батальон», в который входили генеральный директор государственных музеев Берлина профессор Кюммель, их главный хранитель доктор Мейер, сотрудники генеральной дирекции доктор Шмидт, профессор Кох и ряд экспертов меньшего ранга. Местом хранения награбленных во Франции ценностей стал замок короля Баварии Людвига II Нойшванштейн [65].

Лондонский клуб золотого стандарта формировался вокруг клана Ротшильдов, исторически контролировавших европейскую элиту. Тот факт, что все главы оккупированных территорий выбирали местом эмиграции не самый подходящий с точки зрения безопасности Лондон, иллюстрирует подконтрольность европейских элит клубу золотого стандарта. Правительства Чехословакии, Греции, Польши, Югославии не только располагались в Лондоне, но и еще с ноября 1941 года имели договоренность о создании единого послевоенного блока, а Греция и Югославия дополнительно о создании Балканского Союза [63], суверенность или самостоятельность которого была под большим вопросом:

«Королевское правительство в эмиграции было сформировано после путча 27 марта 1941 г. и две недели спустя покинуло пределы страны, полностью перейдя под контроль и на содержание англичан. Англичане были невысокого мнения о югославских политиках... формируя из них правительство по собственному вкусу. Югославское эмигрантское правительство находилось на грани того, что сами англосаксы определяют как «марионеточное правительство».

А. Ю. Тимофеев, «Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945»

В игре за возврат контроля ставка была сделана на разведструктуры, наиболее сильные из которых, как указывал Аллен Даллес, исторически были у банковских структур, и лондонский Сити в этом плане не был исключением. Главой британской Special Operations Executive (SOE) трудился личный финансовый советник Черчилля и с 1928 года директор Английского Банка Чарльз Хамбро, он же владелец Hambros Bank, основанный выходцем из еврейской семьи Карлом Хамбро. Эдвард Кукридж пишет, что спецслужба появилось «с помощью бизнесменов, принимавших некоторое участие в создании SOE», в частности здание Сент-Майкл-Хаус – дом № 82 на Бейкер-стрит – было предоставлено фирмой Marks & Spencer [74], основанной эмигрантом еврейского происхождения из Белоруссии Михаилом Марксом (Michael Marks) [75], участвовавшим в Парижской мирной конференции в качестве секретаря сионистской организации. После смерти отца бизнес возглавил Саймон Маркс, взявший в долю двоюродного брата барона Израиля Шиффа (Сиеффа) (Israel Moses Sieff) [76][77][78]. Племянник Саймона Маркса, видимо сын партнера – Маркус Шифф (Сиефф) был секретарем Бен-Гуриона, передавший в 1948 году Черчиллю через Дороти де Ротшильд меморандум о создании Израиля [72]. Другой Сиефф, Джозеф в этот период был советником Бен-Гуриона, ключевой фигурой англо-израильского сотрудничества [77].

Израиль Шифф (Сиефф) также был президентом исследовательского института Political & Economic Planning (PEP), где трудился известный евгеник, секретарь Лондонского зоологического общества и первый директор ЮНЕСКО Джулиан Хаксли (Гексли) [78][79] [80], который тоже работал для SOE, в лаборатории которой доставлялись такие экзотические вещества, как яд кураре от венесуэльских индейцев [74]. Примечательно, что институт Political & Economic Planning имел разносторонние сферы приложения: сформировал Английскую национальную службу здравоохранения National Health Service (NHS) и занимался послевоенным развитием африканских колоний [79].

20 марта 1939 года полковником Грандом в МІ создается отдел, причина и цель создания которого отражена в документе полковника Джона Холланда: *«Захват Богемии и Словакии... впервые открывает возможность ведения альтернативного способа обороны, то есть альтернативного организованному вооруженному сопротивлению. Эта оборонительная тактика, которую теперь предстоит развить, должна основываться на опыте, полученном нами в Индии, Ираке, Ирландии и России, т. е. эффективное сочетание тактических приемов партизан и ИРА»* [47][74]. Под опытом, полученным в России, полковник, видимо, имеет ввиду дело Metropolitan-Vickers, провал, как видно, не остановил британские спецслужбы:

«Об английских планах относительно нарушения снабжения нефтью Германии и России из Женевы секретно сообщают: ...английской стороной будет предпринята попытка мобилизовать группу Троцкого, то есть IV Интернационал, и каким-то способом перебросить ее в Россию. Агенты в Париже сообщают о том, что Троцкий с помощью англичан должен будет вернуться в Россию, чтобы организовать путч против Сталина. В каком объеме эти планы могут быть осуществлены, отсюда (из Женевы) судить сложно [24].

Берлин, 17 января 1940 г., Ликсус»

Если с Соединенными Штатами у Британской элиты существовал шанс путем уступок найти компромисс, то СССР представлял собой не просто конкурента, а глобальный вызов для элиты XX века. В частности Мюллер в докладе Гиммлеру в декабре 1942 года восхищался идеологией обвиняемых: *«Как констатируют протоколы допросов, обвиняемые борются не только против национал-социализма. В своем мировоззрении они уже настолько отделились от идеологии Запада, что рассматривают ее как безнадежную или болезненную, и они не видят больше иного спасения для человечества, чем на Востоке»* [34]. Поэтому как констатировал канадский историк М. Карлей, при разновекторности дискурса США и Англии, *«в решающие моменты верх брал антикоммунизм»*, присущий обоим сторонам, позицию которых выразил сенатор Р. Тафт: *«Победа коммунизма в мире будет для США более опасной, чем победа фашизма»* [65]. В то время СССР – государство с альтернативным социальным и экономическим устройством, стремительно набирающее популярность в мире, и возможность любого ослабления такого соперника служило платформой для договоренности между соперничающими мировыми элитами.

«В XX в. к геополитическому аспекту противостояния с англосаксами добавился социосистемный: СССР выступал по отношению к Западу, к мировой капиталистической системе не просто как держава, а как системный антикапитализм и альтернативная мировая система» [17].

А. И. Фурсов, «Психоисторическая война»

«Странные войны» Уинстона Черчилля

«Двойственная позиция У. Черчилля порой вызывает некоторое недоумение. Ведь именно Черчилль был автором той политики, которую теперь осуществлял Чемберлен, и именно Черчилль в 1930-е гг. неожиданно стал самым яростным оппонентом премьер-министра. Один из основных и непримиримых организаторов интервенции, стремившийся, по его собственным словам, любой ценой «задушить большевиков в колыбели», теперь, защищая союз с ними, вступал в прямой конфликт с правительством».

В. В. Галин, «Политэкономия войны. Заговор Европы»

Примечательным является тот факт, что после выступления Черчилля со словами: *«Без эффективного фронта на востоке не может быть никакой эффективной защиты наших интересов на западе, а никакого эффективного фронта на востоке не может быть без России»*, редактор Evening Standard расторг контракт с Черчиллем, объяснив политику, что его *«взгляды на внешнюю политику совершенно очевидно противоречат воззрениям нации»*, что отчасти и повлекло за собой банкротство Черчилля в 1938 году. И нужно добавить самого Черчилля, который с 1932 года грезил: *«... подчинить своей власти бывшую русскую империю – это не только вопрос военной экспедиции, это вопрос мировой политики... в материальном отношении вполне возможно, но в моральном отношении – это слишком ответственная задача, чтобы ее могли выполнить одни лишь победители. Осуществить ее мы можем лишь с помощью Германии...»* [8][27]. Такое понимание, видимо, пришло к нему на основе семейного опыта, собственными силами «подчинить своей власти русскую империю» пытался дед премьер-министра герцог Мальборо, сложив голову под Балаклавой во время Крымской компании [73], что добавляет к отношению Черчилля еще и личную вендетту.

Двойственная политика Черчилля определяется его двойственным положением: с одной стороны он представлял интересы английского истеблишмента в целом, с другой – внутри этого истеблишмента был особенно близок именно к Ротшильдам, но обе стороны были, по выражению Г. Препарата об английской довоенной политике, *«составными частями одного и того же жульничества...»*.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль начал карьеру как военный журналист. Как упоминал в своей книге Аллен Даллес, крупные разведструктуры содержались не правительством, *«о частной фирмой, банкирским домом Ротшильда»*. Отправляясь корреспондентом наблюдать за ходом Греко-турецкой войны 1897 года, будущий премьер-министр сообщил матери: *«Лорд Ротшильд для меня все устроил. Он знает абсолютно всех»* [48].

Отношения с «придворными факторами» у Черчиллей начались еще с герцога Мальборо, когда его интендантом во время войны за испанское наследство был Соломон де Медина, ставший в Англии первым рыцарем, исповедовавшим иудаизм. В обмен на контракты по снабжению Медина «откачивал» герцогу 6 тысяч фунтов в год, дав об этом официальные показания в Комиссии по счетам. Мартин Гилберт отмечает, что это было скандальной, но обычной практикой отношений между поставщиками и командованием [76], о более поздних отношениях официальный биограф Черчилля пишет: *«Отец Уинстона Черчилля, лорд Рэндольф Черчилль был известен своей тесной дружбой с евреями»* [76]. «Тесная дружба» закончилась тем, что после смерти Рэндольф Черчилль остался должен Ротшильду огромную по тем деньгам сумму – 66000 фунтов стерлингов [8].

Упомянутый, близкий к британской короне Эрнест Кассель управлял финансами молодого У. Черчилля. «Нэтти» Ротшильд бывал гостем отца будущего премьер-министра и

наоборот. Впервые Уинстон Черчилль посетил поместье лорда Ротшильда в Тринг-Парке в девятнадцатилетнем возрасте. Впоследствии Черчилль близко дружил с Лайонелом Ротшильдом [76]. Черчилль наблюдал за значительной частью военных конфликтов своего времени: восстание на Кубе, в Индии, в Афганистане, победа над бурами, для которых он впоследствии писал «демократическую» конституцию [52]. Перед поездкой в Южную Африку в 1899 году содержание Черчилля от Ротшильда и Кассель равнялось *«годовому доходу семьи среднего класса тех лет»* [76]. Его политическая карьера также была стремительной: в тридцать лет он – вице-министр колоний, а в тридцать четыре – министр торговли [63], в конце Первой мировой – министр вооружений [76].

Как писал А. Дугин: *«Черчилль опирался в своей политической карьере на право-сионистские круги Великобритании и США»* [1]. По утверждению газеты Sun Черчилль по указанию Ротшильда противодействовал закону об ужесточении иммиграционного законодательства [76]. В 1905 году будущий президент Израиля Хаим Вейцман слушает на митинге выступление министра по делам колоний Черчилля, через пять лет оратор подпишет бумаги о натурализации Вейцмана уже как министр внутренних дел [61]. В Первую мировую первый президент Израиля будет заведовать лабораторией британского адмиралтейства по производству взрывчатых веществ. В парламенте Черчилль «присоединился к неформальному, но влиятельному комитету» в состав которого входил Джеймс Ротшильд [76]. В 1922 году Черчилль не только выступает в Палате общин с речью в защиту британской сионистской политики в Палестине, но и готовит соответствующее положение для Лиги Наций [61]. *«Идеал, который исповедуют сионисты, – сказал Черчилль на встрече с премьер-министрами доминионов, – это очень высокий идеал, и, признаюсь, он вызывает мою искреннюю личную симпатию»*, по его мнению «Великобритания должна быть очень пунктуальной» в соблюдении обязательств Декларации Бальфура [76]. Много позже барон Джеймс Ротшильд признается в письме Черчиллю: *«В 1921 году вы заложили фундамент еврейского государства, отделив королевство Абдуллы от остальной Палестины»* [61]. 20 августа 1941 Черчилль объяснял Рузвельту: *«Я теснейшим образом связан с сионистской политикой, являясь одним из ее авторов»* [76], а в письмах Хаиму Вейцману он называл себя «старым сионистом» [54]. Свою политику по отношению к арабам Черчилль, обращаясь к Палестинской Королевской комиссии в 1937 году, объяснял так: *«Я не считаю, что собака на сене имеет какое-либо право на сено, хоть она и долго на нем лежала. Я не признаю за ней такого права. Я не признаю, что великая несправедливость была совершена по отношению к красным индейцам Америки или черным аборигенам Австралии. Я не признаю, что несправедливость была совершена по отношению к этим людям, потому что более сильная раса, более чистая раса, более мудрая раса, скажем так, пришла и заняла их место»* [83].

Одним из первых решений Черчилля на посту премьер-министра был приказ о выводе британских войск из Палестины [48], он последовательно продвигал политику отказа Британии от Палестины [76]. *«Я сам совершенно убежден, что дело сионизма – из числа тех, что приносят добро всему миру, а не только еврейскому народу»*, – выступал он перед еврейской делегацией. Из-за откровенно просионистской политики Черчилль потерпел неудачу при попытке баллотироваться в парламент в 1923 году. *«Где бы ни выступал Черчилль, он постоянно сталкивался с обвинениями в том, что во время войны он оказывал покровительство богатым евреям-бизнесменам, позволяя им получать незаконные доходы»*, – комментирует ситуацию М. Гилберт [76].

В 1924 году Черчилль неожиданно для себя стал канцлером казначейства. На новом посту, не имея ни малейших финансовых знаний, он оказался управляет своим другом Монтегю Норманом, а тот был близок советнику Банка Англии сэру Генри Стракошу. Стракош был выходцем из моравских евреев, сделал состояние на золотых приисках Южной Африки и естественно был близким другом лорда Ротшильда. Выполненная решением Черчилля

привязка финансовой системы Англии к золотому стандарту привела к дефляции, экономическому спаду, массовой безработице и всеобщей забастовке 1926 года [52][48], после чего «сделавший свое дело мавр» был списан в политически утиль. Как вспоминал посол в Великобритании И. Майский: *«К тому моменту, когда мы встретились с Черчиллем в доме Ванситартов, он уже пять лет не занимал никаких министерских должностей, формально оставаясь лишь обыкновенным депутатом парламента. Забегая несколько вперед, скажу, что на этом «низком уровне» Черчилль пребывал до самого начала Второй мировой войны. Правящая консервативная партия явно не хотела пускать его к вершинам власти. В чем было дело?»* [26].

Дело было в том, что после расторжения контракта с Evening Standard в феврале 1938 года Черчилль обнаружил у себя массу неоплаченных налогов и 18000 фунтов долга, в результате чего пришлось выставить на продажу приобретенное в 1921 году поместье Чартвелл. Хлопотать за Черчилля взялся основатель обновленной версии Financial Times Брэнден Брэкен, в результате на сцене появился новый «советник» Черчилля Генри Стракош, который оплатил 18162 фунта для сохранения собственности на Чартвелл, предоставил Черчиллю безвозвратный «заем» в размере 150000 фунтов стерлингов, и взялся далее оплачивать его долги в течение трех лет [8][48][62]. 22 июля 1936 года Черчилль присутствовал на ужине, где нефтяной магнат Роберт Козн (Robert Cohen) предложил организовать фонд, начавшийся с 50000 фунтов стерлингов, для использования будущего премьер-министра против Германии. Так стартовала группа The Focus [41], зарегистрированная в Лондоне по адресу Флит-стрит (Fleet-street) № 54, и в которой не последнюю роль играл банкирский дом Ротшильдов. Помимо Стракоша к решению финансовых проблем Черчилля подключились другие члены группы вроде кинопродюсера Александра Корда [63][54]. Как пишет Питер Пэдфилд: *«Совет был организован евреями совместно с профсоюзами для борьбы против нацизма. Основную финансовую поддержку оказывали британские евреи, главными источниками разведывательных данных служили еврейские банковские связи и немецкие евреи... Бивербрук, вероятно, не ошибся, когда в 1938 году писал, что в Британии против сближения с Германией работали, по меньшей мере, 20000 немецких евреев»* [8]. Роберт Козн начинал трудовую карьеру в компании Shell Company, соединив основанную Маркусом Самуэлем (Marcus Samuel) компанию с Royal Dutch Oil Company. Семейство Самуэлей родственно семейству Монтефиори [42][43][44], а последние, в свою очередь, Ротшильдам. Поэтому неудивительно, что большую часть трудового пути Роберт Козн посвятил африканским компаниям, близким к золотодобыче [42] [45].

Уже после смерти Черчилля в Англии появилась традиция изображать бульдогов с человеческим лицом и неизменной сигарой в зубах, так называемый «Черчилль во плоти» [56], а в то время короткий поводок на прообраз «сражающегося под ковром бульдога» накинул лорд Натаниэль Майер Виктор Ротшильд. Официально преподаватель Кембриджа и председатель Британского сельскохозяйственного научно-исследовательского совета, он также координатор научной работы Royal Dutch Shell, спонсорские транши для NSDAP которой составляли миллионы гульденов. Имея не последнее отношение к английской разведке, Виктор Ротшильд заведовал секретной лабораторией химического и биологического оружия, одновременно, что самое примечательное, отвечая за проверку еды нового премьер-министра [57], что однозначно добавляло Черчиллю сговорчивости [48]. Виктор Ротшильд изначально курировал довоенную команду Черчилля, боровшуюся «против курса умиротворения» [8]. «Старый сионист» Черчилль также состоял в контакте с советником Рузвельта Бернардом Барухом, которого во время своей поездки в США в 1929 году он посетил, прежде чем отправиться в Белый дом [48]. Существует мнение, что именно Барух посредством британского «визави» лорда Бивербрука вернул Черчилля в большую политику

[55]. Во время Первой мировой Бивербрук заведовал Бюро печати, входящим в структуру отдела пропаганды [90].

«Весной 1939 года тайный эмиссар Рузвельта, верховный судья Феликс Франкфуртер – человек, близкий к Американскому еврейскому комитету, каковой, в свою очередь, стоял за спиной «Фокуса», – нанес визит в Лондон. Вскоре после его отъезда из британской столицы Черчилль повел шумную пропагандистскую кампанию. На авансцену британской политики вытолкнули теперь партию войны, жаждавшую помериться с Гитлером силами на поле боя».

Гвидо Джакомо Препарата, «Гитлер, Inc.»

Ротшильды теряли свои позиции в Европе, а Черчилль представлял собой партию нового мирового пожара для пересдачи карт истории. В начале 1939 года он писал Бернарду Баруху: *«Война начнется очень скоро. Вы будете командовать парадом отсюда»* [48]. Задачей Черчилля было отвести удар от английских Ротшильдов, для чего, как докладывал в 1938 году посол Дирксен: *«Черчилль со своими сторонниками видит самую легкую возможность свалить Чемберлена и самому стать у власти...».*

«За последние месяцы наблюдалась небывалая доныне, лихорадочная, отличающаяся последовательностью деятельность трех основных движущих сил – еврейства, Коммунистического Интернационала и националистических групп в отдельных странах, – направленная на уничтожение Германии путем развязывания войны против нее со стороны мировой коалиции до того, как она сумеет восстановить свое положение в качестве мировой державы; эти силы давно не действовали с такой последовательностью и лихорадочностью, как в последние месяцы» [24]
Из донесения посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в МИД Германии, 10 июня 1938 г.

Заняв пост премьер-министра, 22 мая 1940 года Черчилль отдал приказ об аресте и заключении под стражу без суда и следствия члена правого крыла парламента Арчибальда Моля Ремсея и лидера Британского союза фашистов, сэра Освальда Мосли. Через три дня был уволен основатель внутренней службы безопасности MI-5, сэр Вернон Келл, после чего усилиями заместителя директора MI-5 Гая Лидделла в службе контрразведки появилась «кембриджская пятерка». Де Курси, один из редакторов Review of World Affairs писал о них: *«Этих блестящих молодых людей Ротшильд видел в Кембридже, каждый из них имел ту или иную слабость, и он не преминул использовать ее в своих интересах, полагая, что они проберутся в более высокие сферы».* «Пятерку» Кима Филби связывают с появившемся в начале XIX века «Обществом апостолов», которое Пэдфилд охарактеризовал как *«противопоставившее свою мораль общественной»*, а английский поэт Альфред Теннисон назвал *«тайным обществом взаимного восхищения»*. Двое из них, уже упомянутый Энтони Блант, якобы агент советской разведки, однако почему-то не передавший ей данные о переписке английской королевской четы с Гитлером, и Гай Берджесс, которого Виктор Ротшильд устроил главой отдела диверсий «D» (Destruction) английской разведки, во время войны проживали в доме банкира [8][86]. Сотрудничество Ротшильдов с СССР через пятерку Кима Филби иногда объясняют «увлечением коммунистическими идеями» [57], но, вероятно, что реальная причина кроется в том, что Ротшильды видели в СССР сильного союзника, которого можно было использовать и поэтому важно иметь с ним неформальные связи с целью сбора информации и влияния на отношения между СССР и другими странами, прежде всего США.

Также Черчилль отправил в отставку министра информации Джона Рейта, директора и идеолога общественной британской компании ВВС, на которой Рейт не позволял появляться Черчиллю предыдущие десять лет. Достаточно привести запись из дневника Рейта, сделанную в 1939 году после аннексии Чехословакии: *«Гитлер поражает своей великолепной эффективностью»*, – чтобы понять, что он, кроме того, был из другого лагеря [46] [47].

Теперь новый премьер-министр позаботился о том, что бы место министра информации в правительстве досталось тому, кто прежде хлопотал о его финансовом состоянии – Брендану Брэкену (Brendan Bracken), под чьим начальством трудился Джордж Оруэлл. Неизвестно вдохновило ли писателя реальное место работы на создание образа «министерства правды» из известного романа «1984» [58], однако военный корреспондент, работавший в составе командования «союзников» Д. Краминов утверждает, что распространяемое Черчиллем поднабивание, что в грядущей войне *«будет чудом, если Россия удержится шесть недель»* новому премьер-министру *«было передано его интимным другом Бренданом Брэкеном»*.

Трудно сказать, что вкладывал автор в понятие «интимный друг», издавая книгу в 1960 году, но лидер Консервативной партии Гарольд Макмиллан сравнивал Черчилля и Брэкана со *«счастливой парой супругов»*, в то время как настоящая супруга Клементина Черчилль жаловалась на Брэкана, что тот *«забирает у нее мужа»*. В Англии многие полагали, что Брэкен гомосексуалист [60], подозрения, подогреваемые тем, что тот никогда не был женат [58]. Другом Черчилля, у которого тот часто гостил, был также Филипп Сассун [76], сын Алины Каролины де Ротшильд (Aline Caroline de Rothschild) и Эдварда Сассун (Edward Sassoon) [78], чье семейство было одним из основных контролеров опиумных поставок в Китай. Как и Брэкен Филипп не был женат и вообще не слишком интересовался женщинами [77]. Кроме того, существуют мемуары близкой к Черчиллю Виолетт Картер (Violet Bonham Carter), в которых премьер-министр признается ей, что *«наряды очень важны для его самочувствия»* в силу чего он носил белье из *«превосходного женского шелка»* [41].

Из разговора с руководителем фашистской организации в Данциге А. Форстером Черчилль узнает, что *«в Германии никто не думает о войне, что перед ними стоят колоссальные социальные и культурные задачи, которые потребуют многих и многих лет для своего осуществления»*, что *«Гитлер не раз предлагал разоружиться при соответствующих мероприятиях других наций»*, а также *«что он не видит никакого реального основания для конфликта между Англией и Германией»* [24]. Но для части британского истеблишмента война была единственным вариантом сломать строящийся миропорядок, в котором интересы британского клуба и в частности Ротшильдов не были учтены до конца. Именно тогда Черчилль начинает собирать Grand Alliance для гранд-войны [63], помимо кадровых перестановок им была распущена Группа Имперской полиции, влиятельные члены которой оказывали сопротивление вступлению в войну с Германией [8].

В 1940 году шифровальщик американского посольства в Лондоне Тайлер Кент наткнулся на письма британского морского министра Черчилля, в которых тот склонял Рузвельта к скорейшему вступлению в войну [63]. С 1935 года Кент был лично знаком с Геббельсом и Розенбергом, и компрометирующая переписка, начиная с 1938 года, стала доступна Абверу [18]. Поэтому в Германии не могли не замечать приготовлений Англии к войне с СССР, однако осознавая свою военную слабость, искали с ней союза, тем более что Канарис убеждал Гитлера, что вся Красная армия сосредоточена на границе и имеет только один эшелон защиты [2], то есть лил воду на ту же мельницу, что и советники Черчилля. Позже Геббельс констатировал признание фюрера: *«Гитлер подчеркивает, что в этой неосведомленности было для него преимущество при принятии решения о нападении. Если б он располагал точными данными, то «кто знает, как бы тогда пошли дела»* [27]. Коллективное исследование американских авторов также признало, что *«недооценка*

сил России была главным просчетом», в основное время подготовки к войне с 1940 по 1941 годы германское военное производство выросло всего на один процент [49].

Так на чьи ресурсы и чью помощь рассчитывал А. Гитлер, вступая в противостояние с Советским Союзом? Оценивая ситуацию со стороны можно также констатировать, что план лондонского «золотого клуба» удался.

«Тем не менее, в Лондоне не считали игру полностью проигранной. Там надеялись найти средства устранить «аномалию» войны, вновь изменить ситуацию и, несмотря ни на что, натравить Германию на Советский Союз. В этом заключался «парадокс»... новой войне Черчилль отдавал целиком свои силы с того самого момента, как взял на себя руководство делами Англии. Он отменил все попытки Гитлера перекроить систему союзов. (Вспомним о таинственном полете Рудольфа Гесса в Англию в марте 1941 года.)»

Э. Дзелени, «Секреты Черчилля»

До определенного момента ряд условий, например, что Германия не должна «предпринимать акций в Европе, которые привели бы к войне, исключая такие меры, которые получают полное согласие Англии», выставленные советником Х. Вильсоном не могли быть приняты Гитлером, так как автоматически делали Третий рейх британским «жандармом» Европы [27], хотя это, видимо, и задумывалось британцами изначально.

Разгром под Дюнкерком уверил бонз Третьего рейха, что теперь Англия станет сговорчивей, а то, что в мае 1941 года Рудольф Гесс вылетел для согласования условий совместной войны против Советского Союза сегодня имеет документальное подтверждение. Заметьте, что прыгая с самолета в Шотландии, Гесс имел в кармане адреса видных друзей именно Чемберлена [13], то есть планировал контактировать с пронемецкими кругами английской политической сцены.

«...именно позиция Великобритании в мае-июне 1941 г. (тайные переговоры с Гессом и другими) создала у Гитлера впечатление, что британцы либо замирятся с ним в случае его нападения на СССР, либо, как минимум, останутся де факто нейтральными, продолжая «странную войну»: блицкриг против СССР был возможен только при гарантии ненападения британцами на запад. Иными словами, в мае-июне 1941 г. британцы провернули тайную спец – и дипломатическую операцию, аналогичную той, что они сработали в июле 1914 г., спровоцировав Вильгельма II на войну, да так, что он, а также, естественно, Германия и немцы оказались во всем виноваты».

А. И. Фурсов, «Психоисторическая война»

В исследовании А. Н. Осокина высказывается более радикальная версия: «Черчилль узнал о подготовке совместных действий Германии и СССР против Британской империи и поручил своей разведке заманить в Англию... заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса. С его помощью он убедил Гитлера в том, что Сталин готовится ударить по немецким войскам, и договорился о нанесении на рассвете 22 июня 1941 г. совместного удара Англии и Германии по СССР. Однако в тот роковой день Черчилль обманул Гитлера и объявил о полной поддержке СССР... что означало ее неизбежное поражение» [53].

До 2041 года дело Гесса официально засекречено [03], по версии А. Даллеса, озвученной им во время закрытой встречи сторонников Республиканской партии США в 1948 году, «британская разведка в Берлине установила контакт с Рудольфом Гессом и с его помощью нашла выход на самого Гитлера. Гессу было сказано, что если Германия объявит войну Советам, Англия прекратит военные действия. Гесс убедил Гитлера, что всему этому

можно верить» [04]. Правдивым из этого представляется только последнее утверждение, о том, что Гесс должен был убедить Гитлера поверить Англии, остальное же выглядит спорным: разве разгром под Дюнкерком не подтвердил мнения маршала Петэна о том, что *«британская армия годилась только для «парадного плаца», а не для войны в Европе»* [50].

К тому же 20 мая 1941 года началась немецкая операция по захвату острова Крит, где британские войска понесли тяжелое поражение, а основная доля потерь пришлась на английский Средиземноморский флот [30]. До этого англичане также проиграли войну за Грецию [05], то есть, оснований опасаться Англии у Германии не было.

Как пишет Мануэль Саркисянц: *«Британия планировала – еще за десять дней до нападения Гитлера на Россию – с помощью авианалетов парализовать деятельность советских нефтепромыслов»*, т. е. до последнего момента Англия демонстрировала, в том числе и находящемуся на острове Гессу свои агрессивные намерения против СССР. С Гессом встречались помощник Чемберлена Айвон Киркпатрик и бывший министр иностранных дел Джон Саймон. После встречи Киркпатрик немедленно отправился к «больной тетушке» в столицу «нейтральной» Ирландии – Дублин, где располагалось действующее германское посольство. Так уж случилось, что у прибывшего на Нюрнбергский процесс Гесса в кармане «случайно» оказалась стенограмма встречи с Саймоном, согласно которой Англия никакого ответа на предложение совместных действий против СССР не давала [13].

Хотя Гесс и предстал перед Нюрнбергским судом, однако был ли это он? Мало того, что во время процесса бывший заместитель Гитлера перестал узнавать некоторых соратников якобы вследствие амнезии [06], он также не узнал собственных секретарш и был единственным, в чьей камере не было фотографий родных. Более того, Гесс практически не следит за ходом процесса, во время которого иногда читал принесенную с собой книгу. *«Международный Военный Трибунал приговаривает вас к пожизненному тюремному заключению»*, – на озвученный приговор подсудимый также не реагирует, сидя с блуждающим взглядом, и только когда сопровождающие его военные полицейские трогают его за плечо, направляется к выходу.

Вне суда его поведение выглядит не менее странным: до самого последнего дня он гуляет один, не участвуя в общем разговоре, на всех четырех стенах своей камеры и входной двери собственноручно написал: *«Сохранить спокойствие!»*, он ест сидя на полу камеры, по воспоминаниям Германа Витткампа, военнопленного, выполнявшего роль парикмахера, Геринг часто спрашивал о Гессе: *«Что делает сумасшедший?»* [07].

Его поведение действительно выглядит неадекватным: через много лет, после известия о скором освобождении единственный девятидесятилетний узник тюрьмы Шпандау, имевший серьезные проблемы с сердцем и кровообращением, у которого почти не работала левая рука, почти не поворачивалась голова и не гнулась спина [08], и который вряд ли был способен завязать даже простой узел на веревке, не говоря уже о петле [03], повесился на удавке из электрического шнура, который потом пропал со всеми вещами заключенного. Несколькими днями позже сгорела беседка – место предполагаемого самоубийства, тело было кремировано, тюрьму Шпандау в короткий срок снесли, а дело засекретили. Единственной версией, вмещающей объясняющей поведение и смерть близкого соратника Гитлера по партии, будет та, что настоящий Гесс на Нюрнбергском процессе вообще не присутствовал и в Шпандау не сидел.

Дело в том, что в сентябре 1944 года Черчилль уже практически склонил Рузвельта к варианту тайной ликвидации немецкой верхушки [31], однако его предложение отказаться от проведения Трибунала, сделанное во время Ялтинской конференции, Рузвельт и Сталин отклонили [51]. Персональный же суд над военными преступниками состоялся благодаря тому, что Сталин во время Потсдамской конференции предусмотрительно настоял, чтобы в заявлении после слов *«военных преступников»* было вставлено: *«таких, как Геринг,*

Гесс, Риббентроп» [09]. Рассказ Гесса о действительных переговорах однозначно выставлял Англию в неблагоприятном свете и мог вызвать международный скандал. Вероятно, тогда настоящий Гесс и был заменен двойником, который возможно даже действительно считал себя Гессом. Дело в том, что человеком, в чьи обязанности входило наблюдать за перелетным переговорщиком во время и после войны, был Джон Рииз (John Rawlings Rees), один из основателей Тавистокского института. Кстати, освидетельствование Гесса перед отправкой на суд проводили три психиатра, один из которых был личным психиатром Черчилля. Рииз регулярно посещал заключенного в камере и последний жаловался на то, что тот гипнотизирует его [10][11], чем возможно и объясняется странное поведение подсудимого во время процесса.

И последнее: английский военный хирург Хью Томас в 1973 году, заменяя отсутствующего тюремного врача и проводя плановый медицинский осмотр, не обнаружил на теле «Гесса» винтовочного ранения навывлет. На груди или спине заключенного не было никаких шрамов от операции, вследствие ранения, полученного Гессом во время Первой мировой [31].

Уже в 1920 году Черчилль высказывал идею накормить Европу Украиной: *«Именно на Украине... могла бы Европа рассчитывать получить требуемые запасы продовольствия»*, а в 1937 году Риббентроп в беседе с британским премьер-министром предложил, *«чтобы Англия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужен lebensraum, или жизненное пространство... Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского рейха...»*. Впоследствии, в 1939 году, Сталин заметил: *«...некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний»* [27].

Исходя из общности интересов, можно предположить, что во время полета Гесса речь могла идти не просто о прекращении военных действий, которые не могли угрожать Германии, а о совместном нападении на СССР. При этом вероятно, что Англия под разными предлогами выпросила себе тайм-аут для перегруппировки войск после Дюнкерка и эвакуации с Крита, после чего просто не стала выполнять свою сторону договоренностей.

«Идеалом для Англии было столкновение Германии и СССР, их взаимное ослабление, а еще лучше – уничтожение. Пространство от границ Франции до Урала и дальше в этом случае превращались в новую Америку (времен ее покорения), свободную для экспансии «Великих демократий». Вторая мировая война была выгодна для Лондона».
В. Галин, «Политэкономика войны. Заговор Европы».

В дополнение предположу, что условием вступления было окончательное гашение долгов Германии и ее коммерческих структур перед новым «союзником». Спровоцировав Гитлера на самоубийственный поход на Восток, Черчилль начал свою «странную войну», пытаясь переиграть все стороны конфликта.

«Вот каким образом у Черчилля зародилась мысль о тайной войне, которая развертывалась бы за кулисами другой, – войне, запланированной британским государственным деятелем... Сама эта «официальная» война явно утратила для него интерес. Именно тайная война, проходившая

незамеченной для участников великой трагедии, все больше занимала мысли Черчилля...»

Э. Дзелени, «Секреты Черчилля»

После начала войны английский премьер-министр перетягивает на себя ресурсы ленд-лиза: поставки по нему странам Британской империи составили 30 269 миллионов долларов против 9 800 миллионов поставок в СССР, кроме того, основной поток поставок пришелся на период, когда СССР уже показал неизбежность своей победы. Ленд-лиз направил в заказы американским корпорациям 26 млрд. долларов, увеличив их прибыль в 2,5 раза [12]. Рузвельт в своих мемуарах вспоминает это так: *«В сопротивление русских он не верил или верил очень мало... Он старался внушить нам, что львиная доля ленд-лиза должна принадлежать британскому льву; что приведет лишь к затяжке войны, а в конечном счете – и притом несомненно – к поражению»*. Когда Сталин в беседе с лидером Республиканской партии Уэнделлом Уилки в 1942 году возмутился: *«Почему английское и американское правительства снабжают Советский Союз некачественными материалами?»* – пояснив, что речь идет о поставках самолетов П-20 вместо современных «аэрокобр», когда американцы собрались поставить Советскому Союзу 150 «аэрокобр», но англичане вмешались и оставили их себе. То, как распорядились партией самолетов, английской посол стал оправдывать тем, что в руках англичан они принесут «гораздо больше пользы общему делу союзников [12][40]. Посол Майский был также возмущен: *«Англия не устраивает второго фронта и в то же время не дает нам самолетов и оружия, в сколько-нибудь серьезных количествах... пример: мы просили у британского правительства крупных бомб – министр авиации в результате длинных разговоров, в конце концов, согласился исполнить нашу просьбу, но сколько же бомб он дал нам? Шесть бомб, – не больше и не меньше. Так обстоит дело с военным снаряжением. Чем еще Англия помогала СССР в течение этих 10 недель? В Лондоне очень любят подчеркивать: воздушным наступлением на Германию»* [88].

Так называемая «воздушная война» – разговор особый, в начале 1940 года премьер-министр Н. Чемберлен заявил: *«Что бы ни делали другие, наше правительство никогда не будет подло нападать на женщин и других гражданских лиц лишь для того, чтобы терроризировать их»*, что соответствовало Гаагской конвенции 1907 года, запрещающей бомбардировки незащищенных городов, культурных ценностей и частной собственности [14]. Однако под нажимом Черчилля 30 октября 1940 года появилась директива штаба ВВС Великобритании, предусматривающая авиаудары по нефтеперерабатывающим заводам и городам Германии [15].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.